Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Московский Кремль»

ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В XV–XIX ВЕКАХ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
17–18 НОЯБРЯ 2026 ГОДА

Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Московский Кремль»

ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В XV–XIX ВЕКАХ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
17–18 НОЯБРЯ 2026 ГОДА

Москва
2026

УДК 94(47).04/083(043)
ББК 63.3(2)4

Организатор конференции

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Составители

А.Л. Баталов, И.А. Воротникова, О.В. Дмитриева, Е.В. Исаева, Т.В. Солнцева

Редактор

П.А. Алешин

Корректоры

Д.В. Балтрушайтис, С.А. Комарова

Компьютерная подготовка текстового оригинала

В.А. Древненкова

Макет и верстка

А.Ю. Перепеченова-Феофанова

Иноземцы на русской службе в XV–XIX веках : тезисы докладов научной конференции, Музеи Московского Кремля, 17–18 ноября 2026 года : электронное издание / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» ; сост. А.Л. Баталов, И.А. Воротникова, О.В. Дмитриева, Е.В. Исаева, Т.В. Солнцева. – Москва, 2026.– 123 с.

ISBN 978-5-88678-433-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

О.Г. Агеева	Иноземцы при русском императорском дворе начала XVIII века: первый обер-кухенмейстер и первый метрдотель	6
П.А. Алешин	Новые материалы к биографии Алоизио да Каркано — одного из строителей Московского Кремля	10
А.А. Аронова	Участие иностранных специалистов в организации печального торжества императрицы Анны Иоанновны: Луи Каравак, Иоганн Якоб Шумахер, Антуан Рожбот, Якоб фон Штелин	14
Н.Н. Аурова	Фридрих Максимилиан Клингер: немецкий писатель-романтик во главе военно-учебных заведений в России	18
М.А. Баклыгина, Е.А. Курочкин	Антонио де Филистри — забытый летописец русской культуры	22
Н.Ю. Болотина	Вильям Брюс на русской службе	26
Ю.И. Быкова	Иностранные ювелиры, работавшие по императорскому заказу в России в первой половине XVIII века	30
Е.А. Гаврилина	Симодский трактат и начало русско-японских дипломатических отношений	35
И.А. Данилов	Эпистолярное наследие Готлиба Зигфрида Байера в контексте интеллектуальной коммуникации ученых-иноземцев в России (1730–1731)	37
Е.В. Ермасов	Иоганн Рейнгольд фон Паткуль на русской службе	39
Ю.П. Зарецкий	Книжные переводы Якова Брюса	44
С.В. Зверев	Ян Гранковский: путь от фальшивомонетчика до стольника в 1670–1690-х годах	49

С.Г. Зюзева	Западноевропейские ювелиры при царском дворе в XVI веке	52
Е.А. Карцова	Строгановы или Гордоны? Проблема исторической традиции в исследовании портретов Григория Дмитриевича и Марии Яковлевны Строгановых	56
М.-В.М. Клинко	Ученый немец в Москве второй половины XVIII века: повседневность профессора Московского университета Иоганна Маттиаса Шадена	61
К.И. Маркова	Юрбен Дюбуа: иностранец на службе России и русский вклад в структуру европейской трапезы	63
Т.А. Матасова	Московские греки последней четверти XV – первой трети XVI века и их роль в развитии православной культуры в России	66
С.В. Моисеева	Луи Каравак — первый портретист российского императорского двора (1716–1754)	70
О.Я. Ноздрин	FUIMUS: Брюсы в России XVII–XVIII веков	76
О.В. Окунева, В.А. Стасевич	«Первенственный доктор его царского величества Роберт Карлусович Арескин»: имя, жизнь и наследие в новейшей отечественной историографии	77
Т.А. Опарина	Род Фаренсбахов в России XVI–XVII веков	81
С.П. Орленко	Вилим Геймс и Вилим Геймс — Оружейной палаты дозорщики	85
А.Л. Павлова	Иностранные художники в Москве в начале XIX века	89
Л.В. Пуликова	Питер Эдвард Строли: художник-миниатюрист при дворе императора Павла	92

I

А.С. Ряжев — Товарищи по несчастью: германские пиетисты в России после следствия по делу гернгутеров (середина 1740-х — начало 1760-х годов) — 95

Е.Б. Смилянская — Изменчивая фортуна иностранных флотоводцев на службе императрице Екатерине II — 98

Л.В. Соловьева — Итальянские архитекторы в Московском Кремле на рубеже XVIII–XIX веков: Джакомо Кваренги, Франческо Кампорези и Пьетро Гонзага — 102

В.А. Стасевич — Готлиб Зигфрид Байер и другие иноземцы в России: по данным описи библиотеки ученого — 107

Е.А. Титова — Яков Брюс и европейские архитектурные трактаты в России начала XVIII века — 109

И.В. Фаизова — Участие иностранных специалистов в подготовке праздничных мероприятий первого года правления императрицы Екатерины II — 113

М.А. Юсим — Юрий Крижанич — непризнанный российский патриот, миссионер и автор трактата о политике — 117

Принятые сокращения — 121

О.Г. АГЕЕВА
Институт российской истории РАН, Москва

ИНОЗЕМЦЫ ПРИ РУССКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ НАЧАЛА XVIII ВЕКА: ПЕРВЫЙ ОБЕР-КУХЕНМЕЙСТЕР И ПЕРВЫЙ МЕТРДОТЕЛЬ

В начале XVIII столетия знакомство русского общества с европейской культурой привело к изменению культуры застолья. При дворе и в домах знати стали усваивать достижения европейской, прежде всего французской, кулинарной революции XVI–XVII вв. Одним из каналов привнесения в русские дома западного кулинарного искусства было приглашение на службу иностранных специалистов. В связи с этим интерес представляют иноземцы, стоявшие во главе поварни, а затем кухни большого императорского двора, их имена, национальность, социальное положение, время и условия службы в России. В первой трети XVIII в. на русской службе находились два таких лица.

Первым был знаменитый повар Петра I Ян, или Иоганн, Фельтен. Датчанин по происхождению, он появился при дворе Петра I в начале 1690-х гг., однако не числился в структурах Приказа Большого дворца, которые тогда обслуживали столы Романовых. Фельтен постоянно находился при государе в Преображенском, сопровождал его в многочисленных походах и в 1710-х гг. вместе с ним и его окружением перебрался в Санкт-Петербург. Благодаря Фельтену при русском дворе стали привычными многие европейские кушанья, а также вошли в обиход сами поварские чины с иностранным звучанием: кухенмейстер и обер-кухенмейстер. При учреждении в 1722 г.

Табеля о рангах они были помещены в третью придворную графу в 9-й и 14-й классы (ранги капитана и фендрика).

При Екатерине I и в начале правления Петра II Ян Фельтен продолжал возглавлять императорскую кухню. С начала 1720-х гг. ее состав пополнялся иноземными кухенмейстерами и поварами, в основном из домов А.Д. Меншикова и Д.К. Кантемира, но при этом, как и прежде, работали многочисленные русские повара, хлебники, скатертники и другие поваренные служители; в это время при дворе формировались и новые команды-«должности», в том числе первая верхняя кухня. В ней при Екатерине I Фельтену подчинялись 5 кухмейстеров и 78 чинов и служителей без рангов[1]. Сам «обер-кухмистер» Фельтен, по ведомости двора от 20 ноября 1728 г., получал жалованье в размере 400 рублей в год. Петровский обер-кухенмейстер вышел в отставку 26 мая 1729 г., так как «дела своего [исполнять] не может». За «долговременныя службы» ему был назначен «по смерть ево» пансион из Санкт-Петербургской дворцовой конторы в размере годового жалованья[2].

С переездом в Санкт-Петербург Фельтен окончательно связал свою жизнь с Россией; 4 ноября 1711 г. он получил участок для двора на Миллионной улице (до 1730-х гг. — Большой, или Почтовой) рядом с дворами князя Кантемира и князя Трубецкого и построил собственный дом (современный д. 10), приобрел мызы по Петергофской дороге, в Ревельском и Копорском уездах[3]. В новой столице царский повар, входивший в ближайшее окружение Петра I и являвшийся объектом его шуток, стал известной фигурой. В его доме и открытой им австерии (трактире) собирались многие иностранцы и русские чины; заходил к нему и сам государь. В 1730 г. в Россию приехал троюродный брат Яна – Матиас Фельтен, поступивший на службу в Академию наук; у бывшего обер-кухенмейстера появились и другие родственные связи в академической среде, в частности с библиотекарем И.Д. Шумахером, профес-

сорами К.А. Таубертом и Г.В. Крафтом. В середине 1730-х гг. при императорском дворе служил мундкохом Иван Фельтен, а в дальнейшем стал знаменит племянник главы царской кухни архитектор Ю.М. Фельтен.

Чин обер-кухенмейстера, появившийся при дворе с Яном Фельтеном, вместе с ним и ушел в прошлое. Несмотря на то что это наименование чина вошло в Табель о рангах, с 1730-х гг. главы императорской кухни стали называться «метердотелями». После вступления на престол Анны Иоанновны, по свидетельству современников, в частности леди Рондо, при дворе очень боялись отравлений. В 1730 г. ходили слухи об отравлении тайного мужа сестры императрицы, генерал-аншефа и главы кавалергардов И.И. Дмитриева-Мамонова. В это время и был нанят за границей не связанный с политической борьбой в России новый глава кухни и первый метрдотель цесарец Иоганн Максимилиан Лернер. По указу от 1 января 1731 г. он приступил к выполнению своих обязанностей[4]. Контракт был заключен на два года. Его жалованье составляло 1 200 рублей в год, ему предоставлялись казенная квартира и стол; также в документе была прописана выдача 200 рублей на обратную дорогу в отечество, когда срок службы истечет. Этот контракт неоднократно продлевался, и только в начале 1741 г., уже при Анне Леопольдовне, по указу Лернеру было выдано полное жалованье в 1 200 рублей за год вперед с оставлением этих денег в качестве награды за службу в связи с увольнением от двора[5].

Обязанности И.М. Лернера по руководству верхней кухней императрицы были изложены в семи пунктах «Инструкции», вошедшей в указ 1731 г.:

1) прием продуктов с отбором всего самого лучшего;

2) оформление нарядов на отпуск провизии;

3) качественное приготовление кушаний без участия посторонних лиц и без использования неизвестных продуктов (это исключало отравления);

4) составление реестров продуктов для других придворных столов;
5) прием подносных продуктов;
6) соблюдение чистоты и порядка на кухне;
7) наблюдение за службой кухонных чинов, использование при работе кухеншрейбера и его помощника с писарями[6].

По штату 1731 г. Лернеру подчинялось более 70 различных чинов и служителей верхней кухни, а всего при кухнях должно было работать 111 человек. В дальнейшем численность кухонных чинов быстро росла и в 1739 г. составила уже 166 человек[7].

[1] См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Д. 733. Л. 150–150 об.
[2] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 114. Л. 17 об.–18; Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 558. Л. 24.
[3] См.: *Коршунова М.Ф.* Юрий Фельтен. Л., 1988. С. 9.
[4] См.: РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 7. Л. 14–15.
[5] См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 46. Д. 3. Л. 7.
[6] См.: РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 7. Л. 14–15 об.
[7] См.: РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 11. Л. 8; РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 29. Л. 9–13; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 50. Л. 5–6.

П.А. АЛЕШИН
Музеи Московского Кремля

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ АЛОИЗИО ДА КАРКАНО — ОДНОГО ИЗ СТРОИТЕЛЕЙ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Скудность архивных источников является одной из главных проблем исследователей, которые занимаются биографией ренессансных зодчих и инженеров, работавших в России в последней четверти XV — первой половине XVI в. К ним относится Алоизио (Луиджи) да Каркано, известный в России как Алевиз Фрязин или Алевиз Старый. Ничего не известно о том, чем он занимался до приезда ко двору великого князя Ивана III. Но подробности его биографии могут позволить лучше понять его деятельность в России. Поэтому каждое новооткрытое, даже незначительное, упоминание о зодчем представляет несомненную ценность.

В 1993 г. вышла статья итальянского историка Грациозо Сирони[1], которая, к сожалению, не попала в поле зрения отечественных исследователей. В ней приведены фрагменты архивных источников, обнаруженных автором в Государственном архиве Милана и касающихся биографии Алевиза Фрязина. Публикацию документов сопровождает краткий комментарий ученого, в котором, однако, они не рассматриваются ни в контексте полемики о происхождении мастера, ни в контексте его деятельности в Москве. Анализу указанных текстов именно в таком ключе была посвящена наша статья 2023 г.[2], поэтому мы не будем подробно останавливаться на этих вопросах, а лишь перечислим те факты, которые стали отправной точкой нашего нового исследования: 1) Алоизио (Луиджи) да Каркано

был сыном жившего в Милане мастера Джованни да Каркано; 2) родился Алевиз около 1445 г. (возможно, в Каркано или Милане), а умер в польском Люблине примерно во второй половине — конце 1512 г.; 3) из России в Польшу мастер уехал не ранее октября 1508 г. и там, скорее всего, поступил на службу к королю Сигизмунду I.

Эта информация определила цели нашего исследования: во-первых, попытаться, обнаружить новые сведения, касающиеся итальянского периода биографии Алевиза, и, возможно, выявить памятники, в строительстве которых он мог принимать участие, а во-вторых — начать поиск следов его пребывания в Польше.

То, что известно об организации строительного труда в средневековом и ренессансном Милане, позволяет предположить, что Алоизио да Каркано как сын мастера должен был осваивать азы профессии каменщика и инженера у своего отца и сначала работать вместе с ним. В самом деле, в Миланском герцогстве веками работали целые династии специалистов, ярчайшим примером чему может служить знаменитая семья Солари.

Благодаря тому, что стало известно имя отца Алевиза, появилась возможность попытаться узнать что-нибудь о его деятельности, а значит, потенциально, и о нем самом. Обратившись к опубликованному архиву Достопочтенной мастерской Миланского собора, нам удалось обнаружить несколько документов, связанных как с Джованни да Каркано, так и с его сыном, и установить несколько интересных фактов.

Источники подтверждают, что, во-первых, Джованни да Каркано был членом Достопочтенной мастерской Миланского собора и, во-вторых, возглавлял в 1479 г. какие-то работы, вероятно ремонтные или отделочные, в Каза ди Санта Текла — ренессансном палаццо, в дальнейшем известном как Коперто деи Фиджини, построенном Гвинифорте Солари в 1467–1472 гг. Таким образом, можно высказать осторожное предположение,

что и сын Джованни, Луиджи, мог вместе с ним участвовать в этих работах.

Кроме того, сохранилось свидетельство активности самого Алевиза в Милане в начале 1480-х гг. и его работы в качестве мастера-кузнеца (*magistro ferraritio*) под началом немецкого архитектора Ганса Низенбергера, в 1483–1486 гг. возглавлявшего строительство Миланского собора. Согласно счету от 31 декабря 1483 г., зодчему было выплачено 3 ливра и 8 сольди за железо, отданное им «Алуизу де Каркано, мастеру-кузнецу» (*Aluixum de Carchano magistro ferraritio*) для изготовления металлических стяжек. Таким образом, этот документ является свидетельством активности Алевиза в Милане в начале 1480-х гг. и его работы на строительстве Миланского собора. Скорее всего, речь в нем шла о металлических стяжках для тибурия, возведение которого стало целой вехой в истории ломбардской архитектуры эпохи Возрождения; это говорит о высоком профессионализме Алоизио как инженера и ремесленника.

Еще два источника свидетельствуют о том, что Джованни да Каркано в 1490–1491 гг. построил отдельное здание школы на Кампо Санто, рядом с Миланским собором, предназначенной для обучения грамоте детей каменщиков, скульпторов и других ремесленников, занятых на строительстве Дуомо. Вполне возможно, что эту школу также можно включить в круг памятников, потенциально связанных с именем Алоизио да Каркано.

Источников, касающихся деятельности зодчего в Польше, обнаружить пока не удалось. Однако, учитывая историю фортификаций польского Люблина — города, в котором зодчий умер, можно предположить, что он мог принимать участие в модернизации его фортификаций, начавшейся в самом начале XVI столетия (с 1504 г.) и продолжавшейся еще полвека[3]. Модернизация была связана с необходимостью приспособить

средневековые городские укрепления к новым условиям войны, обусловленным быстрым развитием и распространением огнестрельного оружия. Подобное предположение представляется логичным, учитывая тот опыт, который получил ренессансный мастер, завершая возведение новых оборонительных сооружений Московского Кремля, однако требует дальнейшего изучения.

[1] См.: *Sironi G.* Un ingegnere italiano a Mosca, Cracovia e Lublino: Luigi Carcano // Giovanni Antonio Amadeo. Scultura e architettura del suo tempo / a cura di J. Shell, L. Castelfranchi, atti del convegno (Milano 1992). Milano, 1993. P. 525–530.

[2] См.: *Алешин П.А.* Новые сведения об Алевизе Фрязине (согласно новейшей итальянской историографии) // Вестник сектора древнерусского искусства. 2023. № 1. С. 60–70.

[3] Подробнее см.: Lublin — town defensive walls (Электронный ресурс: https: // medievalheritage.eu / en / main-page / heritage / poland / lublin-city-defensive-walls /) [Дата обращения: 18 июня 2026].

А.А. АРОНОВА
Государственный институт искусствознания, Москва

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ПЕЧАЛЬНОГО ТОРЖЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ: ЛУИ КАРАВАК, ИОГАНН ЯКОБ ШУМАХЕР, АНТУАН РОЖБОТ, ЯКОБ ФОН ШТЕЛИН

Императрица Анны Иоанновна умерла 17 октября 1740 г. в своих личных покоях в Летнем дворце. С 29 октября начала работать Печальная комиссия во главе с обер-гофмаршалом Рейнгольдом Густавом Левенвольде. В этот день по указу императора Иоанна Антоновича была выделена первая сумма на подготовку печального торжества — 20 000 рублей — и вскоре назначена команда главных исполнителей.

Материалы аннинского погребения нечасто привлекали внимание исследователей. Исторические аспекты этого события затронуты в работах О.Г. Агеевой[1], вопросы художественного убранства Печального зала, траурной процессии и катафалка в Петропавловском соборе нашли отражение в публикациях М.О. Логуновой[2], Е.А. Тюхменевой и Ю.И. Быковой[3]. Корпус источников, связанных с торжественными похоронами Анны Иоанновны, впервые был частично опубликован в первом томе издания «Внутренний быт Русскаго государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции»[4]. Оригиналы архивных дел Печальной комиссии 1740–1741 гг. хранятся в Российском государственном архиве древних актов[5].

Анализ документов позволил восстановить ход работ, которые осуществлялись в течение всего погребального периода, с 17 октября 1740 г. по 15 января 1741 г. Основными локаци-

ями траурных мероприятий были Летний дворец Анны Иоанновны, Петропавловский собор и река Нева.

Придворный художник Луи Каравак занимался оформлением Печального зала, в который был преобразован Тронный зал Летнего дворца: там императрица в «полном параде» находилась с 16 по 23 декабря. Многочисленные мастера (художники, резчики, золотошвеи и другие) работали под руководством Каравака в помещениях старого (петровского) Зимнего дворца. В его ведении находился весь ансамбль главного пространства прощания с усопшей государыней — «Фюнеральный зал»: это свидетельствовало о том, что известный и уважаемый художник отвечал не только за живописные работы, но и за комплекс интерьерного убранства. О том, что Каравак в 1730-е гг. привлекался к интерьерным работам в императорских дворцах, сохранился целый ряд архивных свидетельств.

Архитектор Иоганн Якоб Шумахер в конце 1730-х гг. состоял в штате Академии наук. Вместе с архитектором Михаилом Земцовым, служившим в Канцелярии от строения, он возводил в Петропавловском соборе катафалк. Поскольку собор был освящен только 9 июля 1733 г., это временное архитектурное сооружение стало первым полноценным образцом *castrum doloris* в истории российских императорских похорон XVIII столетия, возведенным в церковном пространстве. Шумахер имел репутацию мастера изысканных декоративно-орнаментальных композиций в стиле французского художника Жана Берена Старшего. Он привлекался к оформлению изданий Академии наук и участвовал в работах по подготовке к коронационным торжествам Петра II в Москве в 1728 г.

Наряду с декорированием собора оба архитектора ведали сооружением траурного «моста» на льду Невы от пристани на Дворцовой набережной до Невских ворот Петропавловской

крепости, предназначенного для траурной процессии 23 декабря. Также они отвечали за сооружение гробницы императрицы рядом с надгробиями Петра I и Екатерины I, где Анну Иоанновну погребли 15 января 1741 г.

Кроватного дела мастер Антуан Рожбот выполнил траурную постель, которая стояла в Малом зале Летнего дворца, где императрица в полном парадном убранстве была официально представлена подданным с 16 ноября до 16 декабря 1740 г. Он же изготовил государственную мантию из золотой парчи с горностаевым мехом и с государственным гербом. Мантия висела на стене Печального зала под балдахином в головах усопшей государыни.

Профессор Якоб фон Штелин после 29 октября был привлечен Печальной комиссией к сочинению аллегорических украшений для катафалка и эпитафии в Петропавловском соборе, а также к организации траурного шествия. Он два месяца работал при комиссии и контролировал выполнение описанных выше работ, а во время церемонии похорон 23 декабря выполнял роль главного распорядителя в Петропавловском соборе. После окончания траурных торжеств Штелин принял участие в подготовке погребального альбома: он составил его проект, предполагавший развернутое описание всех обстоятельств печального спектакля в сопровождении двадцати пяти гравировальных изображений. Однако этот проект правительства императора Иоанна Антоновича, во главе которого стояла племянница умершей императрицы великая княжна Анна Леопольдовна, в итоге не осуществился. Восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны не только остановило его реализацию, но и обрекло все документы, связанные с кратким периодом правления императора-младенца Иоанна Антоновича, на полуторавековое забвение.

Согласно высочайшему указу, после завершения погребальных мероприятий, 7 апреля 1741 г., «за бытность их при

Печальной комиссии» получили вознаграждение: Каравак — 400 рублей, Шумахер — 100 рублей, Рожбот — 100 рублей, Штелин — 200 рублей[6].

Изучение архивных источников позволяет сделать вывод, что ключевую роль в организации и проведении печального торжества императрицы Анны Иоанновны сыграли иноземцы, бóльшая часть которых находилась в России уже второе десятилетие, а процесс вестернизации России, инициированный Петром Великим, дядей ушедшей государыни, продолжал сохранять актуальность.

[1] См.: *Агеева О.Г.* Европейские образы и церемониалы русского императорского двора XVIII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2006. Вып. 3. С. 259–266.
[2] См.: *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб., 2011. С. 157, 244.
[3] См.: *Тюхменева Е.А., Быкова Ю.И.* Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. М., 2022. С. 101, 109, 111, 118, 127–129.
[4] См.: Внутренний быт Русскаго государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции : в 2 кн. М., 1880–1886. Кн. 1. С. 431–494.
[5] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 304–314.
[6] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 305. Л. 273–274.

Н.Н. АУРОВА
Институт российской истории РАН, Москва

ФРИДРИХ МАКСИМИЛИАН КЛИНГЕР: НЕМЕЦКИЙ ПИСАТЕЛЬ-РОМАНТИК ВО ГЛАВЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РОССИИ

Ф.М. Клингер, видный представитель немецкого Просвещения, в России был известен прежде всего своей военной карьерой. Уезжая в чужую страну, он не думал о том, что навсегда покидает Германию, где он был известным писателем, драматургом, автором пьесы «Буря и натиск», давшей название новому литературному направлению.

В Россию Ф.М. Клингер прибыл в сентябре 1780 г. и был зачислен лейтенантом в Морской батальон. Вскоре на него были возложены обязанности чтеца при великокняжеской чете. В 1781 г., когда императрица Екатерина II задумала отправить великого князя Павла Петровича с супругой в заграничное путешествие, Клингер оказался в составе их свиты. В начале этого путешествия он увидел Россию за пределами Санкт-Петербурга, посетив в том числе Псков, Могилев, Чернигов и Киев[1]. Пребывание за границей длилось больше года; по возвращении, в 1782 г., Клингер был назначен поручиком Санкт-Петербургского пехотного полка. О его жизни и деятельности в этот период имеется мало сведений. Из формулярных списков известно, что в 1783–1785 гг. он находился со своим полком в составе действующей армии на южных и юго-западных границах России. Особое значение для Клингера имела служба под командованием А.В. Суворова. В 1785 г., уже в звании капитана, он был определен на службу в Сухопутный шляхетский кадетский корпус (впоследствии — Первый

кадетский корпус). С этого времени его судьба будет прочно связана с военно-учебными заведениями России. Деятельность Клингера в области просвещения и военного образования продолжалась 40 лет[2]. В 1801 г. его назначили директором Первого кадетского корпуса. В 1802 г. ему было поручено разработать «Устав для Пажеского Его Величества корпуса». После утверждения Устава Клингер был назначен главным директором Пажеского корпуса и всех военно-учебных заведений. На этой должности он находился до 1819 г. В 1805 г. Клингер стал членом Совета военных училищ. Не менее удачно складывалась его карьера в сфере гражданского образования. С 1802 г. он — член Главного правления училищ при Министерстве просвещения, а также Совета женских воспитательных учебных заведений: Смольного института и Училища ордена Святой Екатерины. В 1803 г. он стал куратором Дерптского учебного округа.

Угрюмым и суровым человеком называл Клингера бывший кадет К. Зенденгорст: «В продолжении 19-летнего управления корпусом... генералом Клингером не было сделано никаких улучшений ни в нравственном, ни в физическом и ни в учебном воспитании кадет; то было время какой-то безжизненности в корпусе». Негативной чертой, по мнению Зенденгорста, было то, что Клингер не желал выучиться русскому языку, который «не мешало бы ему знать, как директору учебного заведения в России; с кадетами Клингер объяснялся на французском языке, а инспектор классов переводил нам по-русски…»[3]. Близкую характеристику Клингера можно найти в воспоминаниях воспитанника Первого кадетского корпуса декабриста А.Е. Розена[4].

Совсем иным предстает Ф.М. Клингер в воспоминаниях бывшего воспитанника К.К. Бракеля: «В течение моего 7-летнего пребывания в корпусе я не видел ни одного случая проявления жестокости. Больше того, я не помню ни одного случая

проявления несправедливости со стороны Клингера. Мы все чрезвычайно его уважали. А многие из нас его искренне любили. Мы, безусловно, доверяли его строгому, но прямому и справедливому уму. Это было явным доказательством моральных достоинств Клингера, перед которыми детская честная душа охотно раскрывалась. Поведение Клингера по отношению к офицерам и ученикам было предельно требовательным, но гуманным. Никогда он не высказывал своего неудовольствия. А если замечание было неизбежно, и его невозможно было отменить, то оно делалось в такой форме, которая щадила достоинства человека и сохраняла к нему уважение воспитанников»[5]. Согласно К.К. Бабелю, обвинение Клингера в незнании русского языка было несправедливым[6].

Мрачный и мизантропический характер Ф.М. Клингера во многом объяснялся семейной трагедией, связанной с гибелью на Бородинском поле его единственного сына Александра, выпускника Пажеского корпуса[7]. Нельзя согласиться и с утверждением некоторых мемуаристов о полном равнодушии директора Первого кадетского корпуса к своим воспитанникам. Совместно с экономом А.П. Бобровым он создал фонд в 100 тысяч рублей для того, чтобы на проценты с этого капитала экипировать неимущих воспитанников, за что неоднократно получал благодарности от императора Александра I[8].

Будучи куратором Дерптского университета, Ф.М. Клингер всячески заботился о том, чтобы его выпускники владели русским языком, и требовал, чтобы лекции читались там по-русски. Он интересовался историей России, в которой прожил бóльшую часть своей жизни, знал русскую литературу. Постепенно у него появились друзья в образованной части русского общества, среди них были известный экономист А.Г. Шторх, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев. Клингер входил в кружок при дворе императрицы Марии Федоровны в Павловске, в котором собирались известные русские писа-

тели, включая Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского. О своих посещениях Павловска он многократно упоминал в переписке с друзьями и родными.

Вторая половина 1820-х гг. — тяжелый период в жизни Ф.М. Клингера. Происки недоброжелателей привели к его отставке со всех постов. Трогательное участие в его судьбе приняли В.А. Жуковский и А.И. Тургенев. Скончался генерал-лейтенант Ф.М. Клингер 13 февраля 1831 г. и был похоронен на Смоленском кладбище. Свою прекрасную библиотеку он завещал Дерптскому университету.

[1] См.: *Смолян О.А.* Клингер в России // Ученые записки / Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена. Т. 32, ч. 2. Л.,1958. С. 31–32.
[2] См.: Там же. С. 31.
[3] *Зенденгорст К.* Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. // Русская старина. 1879. Т. 24. № 2. С. 305.
[4] *Розен А.Е.* Записки декабриста. СПб., 1904. С. 12.
[5] Цит. по: *Смолян О.А.* Клингер в России. С. 45.
[6] См.: Там же. С. 54.
[7] См.: РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 6. Д. 9023.
[8] См.: РГВИА. Ф. 25. Оп. 160. Д. 4.

М.А. БАКЛЫГИНА
Музей-заповедник «Дмитровский кремль»

Е.А. КУРОЧКИН
Дмитровское отделение Московской областной организации Союза писателей России

АНТОНИО ДЕ ФИЛИСТРИ — ЗАБЫТЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Доклад посвящен итальянскому поэту Антонио де Филистри да Карамондани (1760–1831) и его роли в запечатлении некоторых событий российской культуры в период с 1808 по 1831 г.

Антонио де Филистри (в русском подданстве — Антон Николаевич Филистри) родился в 1760 г. в Венеции. В 1787 г. он поступил на службу в качестве придворного поэта к королю Пруссии Фридриху Вильгельму II. Впоследствии А. де Филистри служил в Берлинской опере, для которой написал порядка пятнадцати либретто; также он являлся вице-директором зрелищ Его Величества короля Прусского, академиком словесности в Туринской, Миланской, Болонской и Аркадианской академиях, почетным членом других ученых обществ. С 1808 г. Филистри жил в России, где вошел в круг общения высшего дворянства, включая членов императорской фамилии, а позднее — в «пушкинский круг». В период с 1811 по 1828 г. он создал ряд крупных произведений, в которых от лица очевидца описал развлечения русской знати. Для некоторых событий рифмованные воспоминания Филистри являются единственным дошедшим до настоящего времени историческим источником.

Произведения Филистри были написаны на итальянском языке, поэтому на долгое время оказались забыты. Творческий тандем исследователей Е.А. Курочкина и М.А. Баклыгиной на протяжении последних лет предпринимает попытки по возвращению имени поэта широкому кругу читателей.

В рамках проекта «Филистриада» были переведены и опубликованы следующие его сочинения: «Карусель» (2023), «Гостеприимство» (2024), «Живые картины» (2026) и «Анакреонтика» (2026)[1].

Эпическая поэма “L’Ospitalità” («Гостеприимство») — первая российская работа Филистри — увидела свет в 1811 г. Она посвящена российскому народу, состоит из 635 поэтических строф (3810 строк) и 255 прозаических комментариев. Текст поэмы — это рифмованные заметки поэта о его путешествии по России от Малороссии до Камчатки; в том числе произведение включает в себя уникальные воспоминания о проведении юбилейных петровских празднований в Петергофе, описание устройства ботанического сада в Горенках с подробным перечислением произраставших там растений, пересказ научной теории классификации живого мира выдающегося ботаника Ф.Б. Фишера и многое другое.

Героическая ода “Il Garosello” («Карусель») также вышла в 1811 г. Она содержит 100 поэтических строф (800 строк) и 34 комментария. Ода посвящена проведенной в Москве в 1811 г. карусели — театрализованному зрелищу, стилизованному под рыцарские поединки. Для проведения мероприятия между Донским монастырем и Нескучным садом архитектор Франческо Кампорези выстроил «Колизей» — временный амфитеатр с галереями и ложами для 5 000 человек, в окружности до 250 саженей. Карусель проводилась дважды, 20 и 25 июня, и была встречена всеобщим восторгом; при этом, как считалось до 2023 г., никто из писателей не обратил на нее внимания. К 20 июня 1811 г. В.Л. Пушкин составил брошюру «О каруселях», которая была не очень тепло встречена критикой и современниками. В частности, 27 июня 1811 г. А.Я. Булгаков в письме к брату Константину писал: «Не то сделал, что должно: надобно бы сделать подробное описание нынешней карусели для отсутствующих, а он написал историю каруселей

вообще, не означив все девизы кавалеров, уборы и проч.»[2]. Все эти подробности — состав участников, описание костюмов и конкурсов, имена победителей и полученные ими призы — содержатся в поэме Филистри.

Следующая работа поэта — ода “La Festa de’ quadri animati eseguita…” («Выставка живых картин…»), изданная в 1822 г. Она посвящена грандиозному празднованию дня рождения сестры императора Александра I Марии Павловны. Ода состоит из 74 строф (592 строки) и сопровождается 85 комментариями. Главным зрелищем на празднике были так называемые живые картины. Суть «живых картин» заключается в точном воспроизведении известных живописных полотен «актерами», которыми стали представители высшей знати, фрейлины и придворные, в том числе Ф.С. Голицын, А.И. Соллогуб, В.С. Долгорукова, О.П. Потоцкая и многие другие. Для воспроизведения были выбраны картины и портреты из Императорского Эрмитажа кисти Ван Дейка, Рембрандта, Рафаэля и других художников, всего — более двадцати работ. В честь проведения праздника в типографии А. Плюшара был издан альбом гравюр, проиллюстрировавший действо[3]. Несмотря на то что празднование происходило с истинно имперским размахом, какого-либо еще литературного описания данного праздника нам обнаружить не удалось. Именно Филистри, в очередной раз, оставил нам поэтическое описание грандиозного придворного мероприятия, о котором умолчали иные свидетели.

Ода “Anacreontica” («Анакреонтика») — на данный момент последняя из переведенных авторами работ Филистри. Это небольшое сочинение (50 строф, 200 строк, без комментариев) является ценным историческим источником. Ода описывает открытие здания Итальянского оперного театра в Москве, в том числе вклад каждого из благотворителей. Кроме того, в тексте приводится полный состав первой труппы Итальянской оперы с указанием распределения ролей и тембров голосов.

«Анакреонтика» — единственное известное на данный момент произведение, содержащее подобные сведения.

Таким образом, Антонио де Филистри по праву может считаться летописцем придворной культуры первой трети XIX в. Его забытые произведения содержат ценную информацию, способную пролить свет на некоторые моменты русской истории. Авторы продолжают работу по поиску и переводу произведений Филистри, открывая имя забытого поэта широкому кругу исследователей.

[1] См.: *Баклыгина М.А., Курочкин Е.А.* «Карусель» Антонио де Филистри — книжный памятник первой трети XIX века. М., 2023; *Они же.* Антонио де Филистри и русское гостеприимство. М., 2024; *Они же.* «QUADRI ANIMATI» Антонио де Филистри. М., 2026; *Курочкин Е.А.* Антонио де Филистри да Карамондани. Анакреонтика // Archivio italo-russo XIII = Русско-итальянский архив XIII / a cura di Antonella d'Amelia e Daniela Rizzi. Salerno, 2026. P. 20–26.

[2] Братья Булгаковы. Переписка : в 3 т. / ред. Анна Танчарова. М., 2010. Т. 1. С. 245.

[3] См.: Représentation de la fête donnée par Sa Majesté l´Imperatrice mère a son Altesse Impériale Madame la Grande Duchesse Marie Grande Duchesse Héréditaire de Saxe-Weimar son Auguste fille lors de son séjour à Saint-Pétersbourg Le 4 Février 1822, vieux style Anniversaire de la naissance de Son Altesse Impériale. S.L. Braunschweig, 1822.

Н.Ю. БОЛОТИНА
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

ВИЛЬЯМ БРЮС НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

С середины XVII столетия на военную службу в Россию стали стекаться солдаты и офицеры из европейских государств, которых охотно набирали в полки «нового строя». Успешной вербовочной кампании на Западе способствовали благоприятные военно-политические обстоятельства: окончание Тридцатилетней войны, повлекшее за собой роспуск многих полков воюющих сторон, и поражение роялистов в Английской гражданской войне[1]. Среди искателей удачи был и отец выдающегося государственного деятеля Якова Вилимовича Брюса. В своей «сказке», поданной 26 июля 1672 г., он сообщил, что выехал в 1648 г. поручиком на русскую службу из Голландии с послом боярином И.Д. Милославским, который являлся также и руководителем Иноземского приказа[2]. Статейный список русского посольства дает иную информацию об обстоятельствах поступления на службу Вильяма Брюса.

Его имя значится в списке солдат, которые вместе с капитанами 17 мая 1647 г. были на посольском дворе и во время специально устроенного смотра показали свое воинское умение. Для приема на русскую службу они должны были на практике продемонстрировать знание солдатского или рейтарского строя и предъявить имеющиеся у них патенты, получаемые при увольнении. В случае с Вильямом Брюсом экзамен прошел не в России, а в месте пребывания послов. Солдаты «выходили все с мушкеты и стреляли, и пиками и шпагами

шурмовали розные штуки» и были признаны послами способными для определения на русскую службу[3]. Документы же принятых на службу военных были утрачены во время кораблекрушения по дороге в Архангельск, и Вильям Брюс в Иноземском приказе был определен уже поручиком в полк «нового строя» генерала А.И. Лесли.

После нескольких лет службы, в 1653 г., шотландца произвели в капитаны. В том же году, 1 ноября, он принял крещение в православную веру под именем Михаил, что позволило ему в дальнейшем получить земельные владения с крепостными людьми. В середине XVII в. это стало распространенным явлением в среде западноевропейских военных специалистов на российской службе. По государеву указу Брюсу было дано жалование «для крещения» 15 рублей и «сукно лундыш доброе да тафту добрую ж»[4]. Следует отметить, что в документе называется другой его чин: прапорщик. В дальнейшем имя Михаил и факт крещения не упоминались в документах, связанных с Вильямом Брюсом и его потомками.

Вильям Брюс участвовал в сражениях Русско-польской войны 1654–1667 гг. и Русско-шведской войны 1656–1658 гг. За вылазки и приступы под Смоленском он в 1654 г. был произведен в майоры, 7 июля 1655 г. получил добавочное жалованье — «кормовые денги» — в размере одного рубля к прежним четырнадцати на июль[5]. В том же году за службу под Вильнюсом Брюса произвели в подполковники. В 1656 г. он уже командовал отрядом из 2 000 солдат разных полков, участвовал в штурме Каунаса, а под Ригой был тяжело ранен в левую руку и правый бок. С сентября 1659 г. Брюс получил под команду собственный полк (19 сентября из Оружейной палаты ему было выдано 530 шпаг), который в 1663 г. состоял из семи рот[6]. В январе 1661 г. его полк был определен в полк смоленского воеводы окольничего князя П.А. Долгорукова[7].

Из Смоленска Вильям Брюс с полком неоднократно посылался с боевыми заданиями. За «полевой бой» под Могилевом у урочища Углы и за «салдацкое ученье» 8 марта 1661 г. шотландцу царским указом увеличили месячное жалованье на пять рублей[8]. Сопровождая хлебные запасы в Быхов, его отряд вступил в бой под Чаусами, и «на том бою многих полских и литовских людей побили, да пятнатцать знамен, да пушку и барабанов, и языков многих в полон взяли»[9]. В 1664 г. Брюс был отправлен в село Мигновичи Смоленского уезда против польских и литовских людей, в следующем году — в Витебск, и на одной из вылазок он получил новое ранение: «полские и литовские люди в правую ногу из пищали пулкою ранили тяжелою увечною раною», однако отряду сопутствовал успех, и были захвачены пленные и знамя[10]. После этого по царской грамоте Вильям Брюс был вызван в Москву, но в 1669 г. вновь отправлен в Смоленск командовать полком. На Смоленщине он обосновался надолго, купил в 1670 г. у шляхтича Кирилла Кедрицкого вотчину — деревни Конюхову, Кашино и Кукшиново с пустошами и даже вновь поселил там десять дворов. Имение увеличилось в следующем году с пожалованием Брюсу вместо конского корма поместья в деревнях Загорье и Одоеве, в которых было четыре крестьянских двора, три бобыльских и один кузнецкий. В своей «сказке» 1672 г. он сообщал, что жалованье его составляло 280 рублей в год[11].

Весной 1673 г., согласно отправленной в Смоленск царской грамоте, солдатский полк Вильяма Брюса следовало «устроить в московские стрельцы в четыре приказа», сам он вернулся в Москву, а его земельные поместья в Смоленском уезде были отписаны в казну[12]. Живя в Немецкой слободе в Москве, Вильям Брюс до 1679 г. участвовал в ежегодных весенних смотрах. Скончался он в 1680 г.

[1] См.: *Курбатов О.А.* Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории : Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 167.
[2] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Москва. Д. 5. Л. 2 об.
[3] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Кн. 3. Л. 333.
[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 906. Л. 53.
[5] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 27. Д. 42551. Л. 1.
[6] РГАДА. Ф. 137. Стрелецкий приказ. Д. 1. Л. 1–10 об.
[7] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6557. Л. 1; Ч. 28. Д. 42972. Л. 1.
[8] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Москва. Д. 5. Л. 5–5 об.; Ф. 396. Оп. 1. Ч. 28. Д. 42993. Л. 1.
[9] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Москва. Д. 5. Л. 6.
[10] Там же. Л. 7.
[11] Там же. Л. 8–9 об.
[12] См.: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 571.

Ю.И. БЫКОВА
Музеи Московского Кремля

ИНОСТРАННЫЕ ЮВЕЛИРЫ, РАБОТАВШИЕ ПО ИМПЕРАТОРСКОМУ ЗАКАЗУ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Интерес к теме творчества иностранных ювелиров в России в XVIII столетии в научной литературе появился еще столетие назад. За это время искусствоведческая наука ушла вперед, что позволяет сделать некоторые обобщающие выводы.

Для лучшего понимания проблемы следует известное на данный момент значительное количество ювелиров, работавших по императорскому заказу, разделить на группы и выявить в них иноземных мастеров. Обеспечение быта царского, а затем императорского двора всегда требовало обращения к мастерам-ювелирам, как к «штатным», то есть находящимся на государственной службе, так и к вольным. В свою очередь, ювелиры обычно делились по специальности на золотых (и алмазных) дел мастеров и серебряников. Во всех этих группах присутствовали как русские специалисты, так и иноземные.

Увеличение числа иностранных мастеров в XVII в. исследователи связывают с царским указом 1682 г. о недопустимости оскорбления иностранцев и введении свободы вероисповедания[1]. Во время правления царевны Софьи, в 1685–1687 гг., «штатные» иноземные ювелиры (в основном золотых дел мастера) начали «выписывать» специалистов из-за рубежа для своих мастерских. Однако к концу столетия число жалованных мастеров Серебряной и Золотой палат резко сократилось: в 1699 — начале 1700 г. в Золотой палате числилось четыре

иностранных мастера и шесть русских, а в Серебряной — один иностранный мастер и четырнадцать русских. В 1700 г. эти две мастерские перестали существовать, и их функции перешли к Оружейной палате. В 1703 г. оклады там получали четыре золотых дел мастера, включая двух иноземных, и четыре серебряника, из которых трое были иностранцами. В 1707 г. в Москве появилась новая группа мастеровых людей — пленные шведские подданные «из Дерпта». Все они были приняты в Оружейную палату.

Ювелиры, выполняя царские заказы, трудились над созданием и украшением оружия и воинской амуниции, серебряной посуды, наград: Андреевских крестов и жалованных «персон» (бóльшую их часть изготовил вольный мастер Яков Вестфаль). Женщины царской семьи, помимо украшений, заказывали культовые предметы для вкладов в храмы и монастыри.

В 1711 г. весь персонал Мастерской и Оружейной палаты, среди них семь серебряников-иноземцев, перевели в Санкт-Петербург. Там в 1710-е гг. начали складываться свои группы ювелиров. Одна из них — «штатные» золотых дел мастера, которые с 1718 г. работали на царицу Екатерину Алексеевну. Эта группа, возглавляемая С. Ларионовым, состояла в основном из русских ювелиров (лишь два ученика — шведские подданные). В те же годы формировалась и группа «вольных» мастеров-ювелиров, чему, в частности, способствовала вербовка специалистов (золотых и серебряных дел мастеров, «алмазников» и гранильщиков камней) в Европе в 1715–1717 гг. Согласно архивным документам, в начале 1724 г. в Санкт-Петербурге существовало два иностранных ювелирных цеха: «золотой» (олдерманы Иоганн Яспер и Иоганн Давид Бейер) и «серебряный» (олдерманы Готфрид Гильдебранд и Клаус Якоб Кеппинг, оба из тех «дерптских пленных», что были зачислены в Оружейную палату в 1707 г.). В это время в них состояли восемь золотых дел мастеров и девять серебряников соответственно[2].

При этом в Москве в 1720–1730-х гг. продолжали работать иноземные ювелиры, получавшие царские заказы: И. Ориотт, И. Царт, Дж. Вейс, И.К. Прейс, Г.Г. Шмидт, Д. Прифф и другие.

В 1742 г. умер С. Ларионов, возглавлявший Придворную ювелирную мастерскую, и его сменил нюрнбергский ювелир Якоб Ханниас Дублон. Однако большинство специалистов в ней по-прежнему были русские. Помимо этой мастерской к «штатным» мастерским середины XVIII столетия следует отнести еще две: службу И.А. Шлаттера и «золотарную» мастерскую Петергофской гранильной фабрики.

Ювелиры Петергофской гранильной фабрики изготавливали драгоценные оправы для галантерейных вещей, оружия, конского убранства и других предметов из фарфора или поделочных камней. В конце 1740-х — начале 1750-х гг. там работали такие иностранные ювелиры, как С. Штульбергер и Я. Вагнер с учениками, а также табакерочные мастера. В 1755 г. штат мастерской увеличился; ее возглавил золотых дел мастер Яков Мартино, в подчинении которого находилось шестнадцать человек, из них девять — иностранцы (четверо прибыли из Москвы). Несколько «штатных» серебряников числилось в службе И.А. Шлаттера, просуществовавшей до его смерти в 1768 г. В 1750-х гг. там работали два иностранных мастера (Э. Гагстат и Г. Гинц) и четыре русских чеканщика.

Серебряники также находились в штате Сервизной кладовой. В 1730–1740-е гг. это были русские мастера. Однако в 1754 г. на должность зильбердинера (с обязанностями ювелира) был назначен Карл Густав Пальм. Позже эту должность занимали Г. Гинц и И.Ф. Кеппинг[3].

Архивные документы сохранили сведения о множестве императорских заказов вольным ювелирам, большинство из которых — приехавшие иностранцы либо их дети, выросшие или даже родившиеся в России. Создание драгоценных вещей с камня-

ми часто поручали братьям Дункель, И.Г. Царту, С. Штульбергеру, Г. Оксману, Я. Шойцвейгу, Г.Ф. Экарту, Ж. Позье и Л.Д. Дювалю[4]. Ряд заказов отдавался и вольным серебряных дел мастерам: Н. Дому, З. Дейхману, М.К. Дублону, Г. Ретмееру, И.Ф. Кеппингу и другим.

Иностранных специалистов привлекали к таким значимым проектам, как создание серебряных рак для мощей святых: в 1731–1737 гг. — святого Сергия Радонежского, в 1748–1752 гг. — святого Александра Невского, а в 1758 г. — святого Димитрия Ростовского[5].

Зачастую трудно определить национальность ювелиров XVIII в., даже если известно подданство мастера или город, откуда он прибыл. Например, ювелир «шведского подданства» мог быть представителем клана немецких специалистов. Тем не менее можно выделить французских, немецких, шведских, швейцарских, английских ювелиров, а также выходцев из «цесарских» земель. Вероисповедание их также было различно; больше всего было лютеран (члены немецкой и шведско-финской общин) и католиков (в основном французы, приехавшие в 1717 г.). Некоторые мастера принимали православие. Значительно меньше было кальвинистов; один из самых известных — Ж. Позье. Метрические документы петербургских храмов показывают как родственные связи, так и «духовное родство» между многими ювелирами, что позволяло им поддерживать друг друга[6].

Таким образом, в первой половине XVIII в. среди ювелиров, исполнявших императорские заказы, большинство составляли иностранные специалисты. Прибывая в Россию из разных стран, они привозили с собой новые технические приемы, стилистику и формы. В результате к середине столетия характерные черты отечественного ювелирного искусства постепенно стирались, и оно начинало развиваться в общеевропейском контексте.

[1] См.: *Селезнева И.А.* Золотая и серебряная палаты : Кремлевские дворцовые мастерские XVII века : Организация и формы производства, творческие процессы, обучение мастеров. М., 2001. С. 138.
[2] См.: *Быкова Ю.И.* Иностранные ювелиры при российском дворе в Петровское время // Ювелирное искусство и материальная культура : сб. ст. / составители: И.В. Поскачева [и др.]. СПб., 2023. Вып. 7. С. 340–353.
[3] См.: *Быкова Ю.И.* Работа «штатных» серебряников по императорскому заказу в середине XVIII века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2024. № 3, ч. 2. С. 338–347.
[4] См.: *Быкова Ю.И.* Работа вольных иностранных золотых дел мастеров по императорскому заказу в середине XVIII века // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2024, Vol. 17 (9). P. 1774–1781.
[5] См.: *Быкова Ю.И.* Художественные особенности серебряных надгробных комплексов к мощам русских святых 1730–1750-х годов // Человек и культура. 2024. № 6. С. 202–223.
[6] Об этом подробнее см.: *Андреев А.Н., Андреева Ю.С.* Лютеранское население Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века по сведениям брачных реестров приходских церквей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20, № 4. С. 6–13; *Они же*. Иноземное население Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия: опыт статистической реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 72–79; *Они же*. Была ли Французская слобода в Петербурге гугенотской? // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2024. Т. 24, № 4. С. 6–15.

Е.А. ГАВРИЛИНА
Национальная ассоциация специалистов
по протоколу (НАСП), Москва

СИМОДСКИЙ ТРАКТАТ И НАЧАЛО РУССКО-ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Симодский трактат — это первый официальный дипломатический договор о дружбе, торговле и границах, заключенный Российской империей с Японией. Он был подписан 7 февраля (26 января по старому стилю) 1855 г. в городе Симоде вице-адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным и уполномоченным Тосиакирой Кавадзи; это положило начало дипломатическим отношениям между двумя странами и стало одним из решающих событий, прервавших 200-летнюю изоляцию Японии.

Документ, состоящий из девяти статей, закрепил важнейшие геополитические и юридические договоренности. Впоследствии он служил базой для дальнейшего диалога. Уже в 1858 г. был подписан расширенный договор о торговле между Россией и Японией, а в 1875 г. — заключен Санкт-Петербургский договор.

Впервые японцы начали появляться на российской службе именно благодаря развитию дипломатических связей и последствиям Симодского трактата.

Большую роль и в подписании документа, и в развитии российско-японских отношений сыграл упомянутый выше Тосиакира Кавадзи — выдающийся чиновник и дипломат позднего периода сёгуната Токугава. Он стал одним из авторов первых шагов Японии по выходу из политики изоляции. Интересно, что Тосиакира Кавадзи вел дневники, в которых оставил интересные описания русских дипломатов, а также

писателя И.А. Гончарова (во время его путешествия на фрегате «Паллада»).

Еще одним человеком, оказавшим значительное влияние на развитие российско-японских отношений, был Татибана Косай Кумэдзо (1821–1885) — самурай из клана Какэгава, известный под именем Масуда Косай. На родине он был обвинен в шпионаже в пользу России и приговорен к смерти. Чтобы его спасти, русские экспедиционеры тайно, под видом груза, перевезли его на свой корабль. Он прибыл в Санкт-Петербург вместе с востоковедом и дипломатом И.А. Гошкевичем. В 1857 г. Масуда Косай поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, получил первый чин, став переводчиком IX класса. В 1858 г. он принял православие и взял себе имя Владимир Иосифович (почитая названым отцом Иосифа Антоновича) и фамилию Яматов (от древнего названия Японии – Ямато). В 1871 г. он стал переводчиком VIII класса. В 1870 г. профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета В.П. Васильев сделал представление о необходимости преподавания японского языка, и вскоре на должность преподавателя был утвержден В.И. Яматов, при этом он согласился вести свой курс безвозмездно.

Отдельно необходимо сказать об участии Масуда Косая в предпринятом И.А. Гошкевичем издании японско-русского словаря, содержавшего 10 тысяч лексических единиц. Этот словарь был напечатан в 1857 г.[1] Издание удостоилось Демидовской премии от Императорской Академии наук с вручением золотой медали. Для середины XIX в. словарь стал подлинным достижением и способствовал изучению японского языка не только в России, но и в странах Европы.

[1] См.: Японско-русский словарь, составленный И. Гошкевичем при пособии японца Тацибана но Коосай. СПб., 1857.

И.А. ДАНИЛОВ
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОТЛИБА ЗИГФРИДА БАЙЕРА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ УЧЕНЫХ-ИНОЗЕМЦЕВ В РОССИИ (1730–1731)

Первая треть XVIII в. стала временем становления академической науки в России, что было тесно связано с деятельностью иностранных ученых, приглашенных на русскую службу. Одним из важнейших центров формирования научного знания являлась Петербургская академия наук, в рамках которой складывались интеллектуальные связи. Важным источником для изучения этих процессов выступает переписка академиков, позволяющая реконструировать механизмы научной коммуникации и повседневные практики ученого сообщества.

В настоящем докладе рассматривается переписка Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера за 1730–1731 гг., включающая письма Х.Ф. Гросса, Х. Гольдбаха, А. Кантемира, Л. Блюментроста, Феофана Прокоповича, И.Д. Шумахера и других. Корпус документов отличается многоязычностью (латинский и немецкий языки) и отражает широкий круг научных и организационных вопросов. Его анализ позволяет выделить несколько аспектов интеллектуального взаимодействия в ученой среде.

Письма фиксируют процесс выработки научного знания, а именно обсуждение рукописей, терминологии, переводов и подготовки публикаций. Например, письма Х. Гольдбаха, посвященные вопросам латинской грамматики, показывают важность совместного поиска точного научного языка. По-

добное сотрудничество превращало переписку в пространство «Республики ученых».

Особый интерес представляют отношения Г.З. Байера с Х.Ф. Гроссом: их переписка является одной из наиболее интенсивных. Через Гросса Байер поддерживал связи с представителями элиты, прежде всего с Я.В. Брюсом. В письмах он обсуждал с Гроссом восточные рукописи, академические новинки, монгольский и китайский языки, а также работу с носителями языка и подготовку научных текстов. Это позволяет увидеть научное знание как результат взаимодействия ученых, государственных деятелей и переводчиков.

Важную роль в интеллектуальном общении играли и материальные объекты — книги, рукописи, медали и портреты. Так, в одном из своих писем А. Кантемир упоминает заказ портрета своего отца для передачи Байеру, что свидетельствует о значении визуальных образов в сохранении памяти и поддержании научных связей.

Отдельного внимания в рассматриваемом комплексе документов заслуживают востоковедческие изыскания, которые показывают, как в первой трети XVIII столетия в России формировались основы научного изучения Востока.

Таким образом, переписка Г.З. Байера позволяет рассматривать иностранных ученых не только как носителей европейского опыта интеллектуальной коммуникации, но и как активных участников формирования научной культуры России XVIII в.

Е.В. ЕРМАСОВ
Министерство юстиции Российской Федерации, Москва

ИОГАНН РЕЙНГОЛЬД ФОН ПАТКУЛЬ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

Личности лифляндского дворянина Иоганна Рейнгольда фон Паткуля (1660–1707), одного из сподвижников Петра I, уделяется незначительное внимание в современной историографии.

Он известен как самый решительный и непримиримый противник редукции в лифляндских владениях Швеции (возврата в казну земель, ранее переданных лифляндским дворянам), обвиненный в государственной измене и вынужденный бежать из Швеции.

Паткуля называли «слугой трех государей», поскольку он состоял последовательно на шведской, саксонской (польской) и русской службе. Он выступал за освобождение Лифляндии от шведского господства и за возвращение лифляндским дворянам отнятых у них привилегий. Поначалу он полагался на саксонского курфюрста и польского короля Августа II Сильного, но в 1702 г. перешел на службу к царю Петру I, на которой уже на следующий год получил чин действительного тайного советника, а в 1704 г. стал генерал-поручиком.

Паткуль способствовал приглашению на русскую службу иностранных офицеров: им составлен оригинал «Манифеста о вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», подписанного Петром I 16 апреля 1702 г. (здесь и далее даты приводятся по григорианскому календарю); также он, выполняя дипломатические поручения, был внешнеполитическим агентом русского царя в Европе, помогал рас-

пространению положительного образа России и ее правителя. В 1704–1705 гг. Паткуль командовал русским корпусом, направленным в помощь саксонскому курфюрсту и польскому королю Августу II Сильному.

По сфальсифицированному при саксонском дворе обвинению его арестовали и, несмотря на протесты и обращения с российской стороны, выдали шведам вскоре после заключения Альтранштедтского мирного договора между Швецией и Саксонией (1706). Будучи признанным в Швеции государственным преступником, Паткуль подвергся жестокой казни 10 октября 1707 г.: его колесовали, а затем четвертовали.

Еще при жизни Паткуль стал известен в европейских кругах благодаря своим сочинениям. В мемориалах 1698 и 1699 гг., поданных Августу II Сильному, он развивал планы организации союза для борьбы со Швецией и раздела ее владений в Прибалтике. После начала Северной войны он составил «Проект объявления о причинах войны со Швецией», в котором содержалось подробное объяснение причин объявления Россией войны Швеции и обосновывалась справедливость притязаний России. Список этой декларации был отправлен барону Я.Э. Лангену в Москву 4 октября 1700 г. В письме к Лангену впервые в русской истории европеец изъявил готовность стать своеобразным литературным агентом за границей, чтобы от имени Петра I печатать необходимые для русской пропаганды материалы.

Паткуль издавал памфлеты и сочинения антишведской направленности, в которых обосновывал свою невиновность перед королевским шведским судом, осудившим его за государственную измену. Благодаря этим публикациям он приобрел известность как защитник лифляндского дворянства.

Будучи поклонником эпистолярного жанра, Паткуль оставил большое наследие: его письма, в том числе написанные в заключении в саксонском замке Зонненштейн, хранятся

в настоящее время в государственных архивах Швеции, Польши, Прибалтийских стран и России. Переписка Паткуля за 1703–1705 гг. опубликована Карлом Мацдорфом в 1792–1797 гг. в Берлине, его письма 1705–1707 гг. были изданы в 1806 г. в Москве.

После трагической смерти Паткуль стал героем «Паткулианы» — серии произведений, сформировавших в литературе образ «лифляндского патриота». Среди них особой популярностью пользовалось сочинение духовника Паткуля Лоренца Хагена, рассказавшего о последних минутах его жизни (1707)[1]. Описанию жизни и смерти Паткуля посвящен один из диалогов Давида Фасмана, впервые изданный в 1719 г.[2] (уже в 1722 г. появился его русский перевод[3]). В подобных сочинениях казненного генерала изображали идейным мучеником и верным слугой русского государя. Сообщения о Паткуле содержатся также в «Универсальном лексиконе» И.Г. Цедлера (1740), «Магазине новой истории и географии» А.Ф. Бюшинга (1774).

Судьбе Паткуля в XVIII–XIX вв. были посвящены литературные произведения на французском, итальянском, русском, немецком, польском, португальском языках. Его современную биографию, опубликованную в 2023 г., написал Б.Н. Григорьев[4].

Но вместе с тем в отечественной историографии до сих пор отсутствует научный труд о жизни и деятельности Паткуля.

Как справедливо указывается в статье, посвященной Паткулю во «Всеобщей немецкой биографии», «противоречие в оценке его личности объясняется разнообразием точек зрения, занимаемых изображающими его жизнь авторами, и это, в свою очередь, находит свое оправдание в своеобразной позиции, которую Паткуль занял среди сталкивающихся шведских, ливонских, саксонских, польских и русских интересов»[5].

Одни авторы считали его патриотом и героем, отстаивавшим интересы лифляндского дворянства (Вольтер, И.И. Голиков, Б. Бергман), другие признавали его авантюристом

и даже предателем (например, шведские авторы Й. Нордберг и Г. Адлерфельд).

Политическая деятельность Паткуля не была чужда макиавеллизму. По словам С.М. Соловьева, Паткуль был незаурядной личностью с весьма своеобразным характером и богатой событиями трагической судьбой. Он отличался удивительным даром слова, «говорил громче всех и лучше всех против обид и притеснений»[6].

По мнению Я. Зутиса, образ Паткуля, представленного во многих сочинениях в качестве образца патриота и идеала гражданина, не соответствует реальному облику лидера оппозиции, избравшего в качестве своей цели «превращение Лифляндии в олигархическую дворянскую республику, объединенную личной унией с Польшей»[7]. Авторитетный советский историк Е.В. Тарле писал в 1959 г., что реальный Паткуль «желал, чтобы его родная Лифляндия (Ливония) ни в коем случае не попала к России, а была бы отнята у шведов в пользу Августа II...»[8].

В западной историографии принято преувеличивать роль Паткуля в присоединении России к антишведской коалиции. Вопросу его ответственности за развязывание Северной войны посвятил отдельное исследование немецкий историк петровского периода Р. Витрам[9].

Личность Паткуля как сподвижника Петра I, разносторонность его деятельности как политика, дипломата, писателя, военачальника, состоявшего на русской службе, а также его литературный образ вызывают интерес, заслуживают внимания историков и нуждаются во всестороннем изучении.

[1] Эта брошюра была впервые издана анонимно в 1707 г.: Unpartheyischer Bericht von der Auffürung J.R. Patkul vor und in seinem Tode. S.L., 1707.
[2] См.: Gespräche in dem Reiche derer Todten, siebente Entrevue, zwischen dem General-Lieutenant Ioh. Reinhold von Patkul, welcher wegen seiner

besondern Qualitaeten sehr berühmt gewesen, und dem Baron George Heinrich von Görtz, einem habilen Minister … Leipzig, 1719. S. 461–528.

[3] Е.А. Михайлова выявила шесть рукописных книг в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, содержащих перевод на русский язык этого сочинения (*Михайлова Е.А.* Петр I и Петровская эпоха в «Разговорах в царстве мертвых» (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 1. С. 233–234).

[4] См.: *Григорьев Б.Н.* Паткуль: неистовый лифляндец. [Б. м.], 2023.

[5] *Mettig C.* Patkul // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1887. Bd. 25. S. 225.

[6] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1864. Т. 14. С. 338.

[7] *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 43–58.

[8] *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1959. Т. 10. С. 403.

[9] *Wittram R.* Patkul und der Ausbruch des Nordischen Krieges // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Klasse. Jg. 1952. Nr. 9. S. 201–223.

Ю.П. ЗАРЕЦКИЙ
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

КНИЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ЯКОВА БРЮСА

В историографии Яков Брюс по праву считается одним из главных переводчиков книг Петровской эпохи. Важно отметить, что он в полной мере соответствовал требованиям, которые Петр I предъявлял к переводчикам научной литературы. В набросках к одному из своих указов царь подчеркивал, что для качественного перевода «ученых» сочинений одного лишь знания иностранных языков недостаточно: переводчик должен разбираться в предмете, которому посвящен переводимый труд: «…никакой перевотчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть не может». Кроме того, он считал предпочтительным, чтобы переводчики были носителями русского языка: «…все из руских или иноземцы, кои или здес родилис, или зело малы приехали и наш язык как природной знают, понеже на (с)вой язык всегда лехче переводит, нежели (с)воево на чюжей»[1].

Брюс в полной мере отвечал этим требованиям: он родился в Немецкой слободе, получил превосходное домашнее образование, владел несколькими европейскими языками и с юности серьезно занимался математикой и естественными науками. Поэтому неудивительно, что с самого начала издания «гражданских книг» Петр I поручал ему перевод или научное редактирование многих из них.

Однако конкретная роль Брюса в подготовке этих изданий далеко не всегда очевидна. Дело не только в том, что имена

переводчиков в начале XVIII в., как правило, не помещались на титульных листах и лишь изредка упоминались в предисловиях. Главная трудность связана с особенностями тогдашней переводческой практики, в которой функции автора, переводчика и редактора нередко совмещались и потому не поддаются однозначному разграничению.

На основании анализа многочисленных письменных источников Т.А. Быкова и М.М. Гуревич установили, что Брюс принимал участие в подготовке тринадцати книг: в пяти случаях — как автор или составитель, в четырех — как переводчик и еще в пяти — как редактор перевода. Он является автором-составителем изданий «О превращении фигур плоских во иныя», «Приемы циркуля и линейки», «[Книга лексикон, или Собрание речей по алфавиту с Российского на Голландский язык]», «[Лексикон голландско-русский]» и «Юности честное зерцало»[2]. Как переводчик он работал над книгами «Геометриа славенски землемерие», «Вилима Севела искусство недерландского языка» и двумя изданиями «Книги мирозрения»[3]. В качестве редактора Брюс участвовал в подготовке переводов книг «Новейшее основание и практика артилерии Ернеста Брауна», «Новое крепостное строение на низком или мокром горизонте», «Учение и практика артилерии», «Таблицы синусов, тангенсов и секансов» и «Земноводнаго круга краткое описание... через Ягана Гибнера собраное»[4]. Кроме того, имеются сведения о его участии в подготовке перевода «Разговоров» Эразма[5].

Имя Брюса указано на титульном листе лишь одной книги из этого списка — русского перевода труда Адриана Влака «Таблицы синусов, тангенсов и секансов». В нем сообщается, что издание осуществлено под его «надзрением»[6]. Между тем Т.А. Быкова и М.М. Гуревич не упоминают еще один подобный случай. Имя Брюса помещено и на титульном листе русского перевода сочинения Корнелиса Ластмана «Таблицы,

горизонтальныя северныя и южныя широты»[7], где сказано, что книга издана под его «протекциею».

Тем не менее определить характер и степень участия Брюса в подготовке большинства этих переводов непросто. Само по себе поручение Петра I перевести то или иное иностранное сочинение вовсе не означало, что работа выполнялась одним человеком. Известно, что Брюс привлекал помощников, а затем просматривал и исправлял подготовленные ими рукописи. Не менее трудно оценить и его вклад в редактирование уже существовавших переводов, поскольку источники позволяют судить об этом лишь в самых общих чертах.

Однако по крайней мере один источник дает возможность подробно проследить как филологическую, так и научную сторону переводческой работы Брюса. Речь идет о его переводе оставшейся неизданной «Механики» немецкого ученого Иоганна Штурма. До наших дней сохранились три рукописи, отражающие два этапа работы над этим сочинением: копия первоначального перевода, выполненного Андреем Виниусом, автограф нового перевода Брюса и копия, снятая с этого автографа[8].

История создания этих рукописей хорошо известна. Первоначально Петр I поручил перевод «Механики» Виниусу, однако результат не удовлетворил царя, после чего рукопись была передана Брюсу для исправления. Ознакомившись с текстом, Брюс пришел к выводу, что редактирование потребует не меньших усилий, чем новый перевод, и предпочел заново перевести сочинение Штурма.

Сопоставив оба перевода, В.П. Зубов пришел к убедительному выводу: если Виниус стремился к буквальной передаче немецкого оригинала, нередко сохраняя непонятные ему термины и отдельные словосочетания без перевода, то Брюс прежде всего пытался осмыслить научное содержание текста и передать его средствами русского языка максимально точно и ясно. Тем самым его перевод в гораздо большей степени со-

ответствовал настойчивому требованию царя излагать научные сочинения простым и понятным русским языком.

Показателен следующий пример из описания Пизанской башни. У Виниуса получился такой текст: «Однакож пребывают некие столпы [Thürme] (яко писаниская в великом княжестве флоренском), хотя нарочно (показуя хитрость) на одну сторону навесилась, кроме всякого страха еже упасти, твердо стоит. Зане особливым попечением осторожно так построена что тягости линиа как во всей тягости столпа [in der ganzen Last des Thurms], тако во всех камениях от [aus] тягостного пункта на кождое основательное равнение [eines jeden Grundfläche] падают»[9]. Брюс перевел этот фрагмент иначе: «Також стоит несколько башен (якоже Пизанская в великом княжестве флоренском), хотя нарочно и зделаны наперед висло и наклонимо, без опасания от низпадениа, понеже особливым тщанием тако учрежденно, дабы линея тяжелости, как и всея тягости башни, так каждого каменя, из точки тяжелости на каждого плоскость впадала»[10].

Почему же перевод Брюса так и не был опубликован? Однозначного ответа на этот вопрос нет, во всяком случае пока. Можно предположить, что, подобно переводу Виниуса, он не удовлетворил заказчика. Однако такое объяснение представляется маловероятным. Известно, что Петр I неоднократно санкционировал печатание значительно менее удачных переводов и впоследствии продолжал поручать Брюсу работу над новыми переводными изданиями. Кроме того, царь хорошо понимал, что создание русской научной терминологии и освоение европейской ученой литературы находились лишь в самом начале своего развития и потому не могли сразу привести к безупречным результатам.

Каковы бы ни были причины, по которым перевод «Механики» не увидел свет, его рукописи представляют собой исключительно ценный источник для изучения ранней истории

русского научного перевода. Сопоставление переводов Виниуса и Брюса позволяет увидеть два принципиально разных подхода к передаче европейского научного текста. Если Виниус стремился к буквальному воспроизведению оригинала, то Брюс исходил прежде всего из необходимости понять научный смысл сочинения и передать его средствами русского языка. Именно поэтому его текст больше соответствовал тем принципам, которыми Петр I руководствовался при создании первых русских «ученых» книг.

[1] Цит. по: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 139.
[2] См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1958. № 6, 18, 228, 232, 378.
[3] См.: Там же. № 1, 241, 249, 793.
[4] См.: Там же. № 22, 24, 51, 220, 366.
[5] См.: Там же. № 213.
[6] См.: Там же. № 220.
[7] См.: Там же. № 733.
[8] См.: *Лебедева И.Н.* Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003. С. 169–172.
[9] Цит. по: *Зубов В.П.* Страница из истории механики в России первой четверти XVIII века // Труды института истории естествознания АН СССР. М., 1952. Т. 4. С. 166.
[10] Цит. по: Там же.

С.В. ЗВЕРЕВ
Музеи Московского Кремля

ЯН ГРАНКОВСКИЙ: ПУТЬ ОТ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКА ДО СТОЛЬНИКА В 1670–1690-Х ГОДАХ

Ян Гранковский, выходец из польского Межибожа, заинтересовал правительство царя Алексея Михайловича в 1675 г. как главный производитель фальшивых польских монет на подпольном монетном дворе в с. Лисянке, организованном «правобережным гетманом» П. Дорошенко. Оборудование для чеканки монет в 1674 г. попало в руки лояльного царской власти «левобережного гетмана» И. Самойловича, и вскоре возникла идея чеканить для Малороссии низкопробные мелкие монеты по образцу польских, но с именем российского государя.

Во второй половине XVII в. на присоединенной к Русскому государству части Гетманщины продолжали использовать различные европейские золотые, серебряные и медные монеты. В 1670-х гг. началась «экспансия» польских монет в приграничные русские области, а на юго-западе России сформировался ареал смешанного денежного обращения. Наибольшее распространение получил биллонный польский полуторагрошевик (полторак), прозванный в регионе «чехом».

Выпуск низкопробных монет обещал стать выгодным делом, и в апреле 1675 г. бывший гетманский фальшивомонетчик Ян Гранковский был доставлен в Москву. Он получил двор в Мещанской слободе и, пока шли подготовительные работы для выпуска новых монет, работал как мастер-серебряник. Писцовая книга слободы 1676 г. сообщает, что мещанин Ян

Гранковский занимался серебряным делом с чернью «на государя» и получал жалования 10 рублей.

Ян Гранковский заявлял о «шляхетном» происхождении и уже вскоре именовался Иваном Федоровым Гранковским, ротмистром, а затем — «полуполковником». Постепенно он повышал свое социальное и материальное положение.

Мастер почувствовал интерес властей к возможности изготовления «чехов» и обещал наладить производство, поскольку ранее он изготавливал такие монеты для польского короля Яна II Казимира на Львовском монетном дворе, а затем для гетмана И. Дорошенко в Лисянке. Был разработан проект монеты и местом выпуска намечен Путивль.

После восшествия на престол царя Федора Алексеевича намечаемый выпуск «путивльских чехов» в 1677 г. был приостановлен и все оборудование для чеканки монет возвращено в Москву.

Ян Гранковский оставался на царской службе уже в качестве «полуполковника», и, видимо, под его командованием оказался Новооскольский солдатский полк.

Но в 1680-х гг., уже во время регентства царевны Софьи Алексеевны при малолетних государях Иване и Петре Алексеевичах, вновь возникла идея о чеканке «чехов», и талант Яна Гранковского как резчика монетных штемпелей вновь был востребован.

В 1686 г. он был направлен в Севск, где был налажен выпуск способом вальцовки низкопробных «чехов» на специально устроенном «чеховом денежном дворе». Эта чеканка тесно связана с финансированием Крымских походов 1687 и 1689 гг.

На «севских чехах» около орла была помещена латинская аббревиатура: I.A.P.A.D.G.C.&.M.D.T.M&P&A.R.A (Iohannes Alexiewitz, Petrus Alexiewitz Dei Gratia Caesres Et Magni Duces Totius Magnae et Parvae et Albae Autocratores — Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Божиею Милостию цари и великие князи всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы),

а на оборотной стороне вокруг державы надпись: MON. NOV. FACtA.SIEV.A.1686 (Moneta Nova facta Sievsk. Anno 1686 — Монета новая делана в Севску 1686 г.).

Севский «чеховый денежный двор», активно работавший в 1686–1687 гг. и существовавший до 1689 г., был крупной государственной мануфактурой, где был применен новый для русского денежного дела способ изготовления монет вальцовкой. Видимо, весь период работы на монетах продолжали ставить дату начала выпуска: 1686 г.

Сведения документов и стилистические различия позволяют выделить штемпели работы трех мастеров, среди которых Ян Гранковский занимает ведущее место.

Но попытка противопоставить особую русскую монету европейского образца обращению иноземной монеты на юго-западе Русского государства окончилась неудачей. Выпускаемые «севские чехи» были слишком низкопробными. Уже в 1688 г. они получили официальную пониженную котировку в 3/8 копейки, а по царскому указу от 8 ноября 1689 г. было запрещено принимать в казну и торговать «новыми чехами севского дела».

Однако, несмотря на недолгий период обращения, именно «севский чех» стал первой царской монетой европейского вида, которая была выпущена массовым тиражом.

Труды Яна Гранковского были высоко оценены. Он получил звание стольника и был назначен воеводой в Новый Оскол. Но исполнял он эту должность недолго, и сведений о его деятельности совсем мало. В 1690 г. воеводой в этот город был назначен князь В.А. Вяземский. Однако гневливый Я. Гранковский отказался сдавать дела и даже оказал вооруженное сопротивление. Неизвестно, чем для него это окончилось, но каких-либо сведений о его службе после 1690 г. пока найти не удалось.

С.Г. ЗЮЗЕВА
Музеи Московского Кремля

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЮВЕЛИРЫ ПРИ ЦАРСКОМ ДВОРЕ В XVI ВЕКЕ

Работа европейских ювелиров в кремлевских мастерских во второй половине XVI в. достаточно подробно освещалась в историографии в последние годы. Ранее мы обращались к различным аспектам влияния европейского искусства на русские произведения. Интерес к этой проблематике возник у нас давно, а в связи с подготовкой каталога собрания «Русский художественный металл, резное дерево, кость, камень. Произведения мастеров Москвы XVI в. Т. 1. Памятники Московского Кремля» хотелось бы вновь обратиться к ней.

Известно, что при дворе царя Ивана Грозного работали западноевропейские мастера разных специальностей, включая ювелиров. С 1548 г. в Москву приглашали мастеров различных национальностей из земель, входивших в состав Священной Римской империи германской нации, в том числе итальянцев. Про мастеров последней четверти XVI в. имеется больше данных. Известны такие серебряники, как Клеус Севостьянов и Борис Томас, которые работали с 1584 г. до начала XVII в. В 1585 г. в кремлевских мастерских числилось двадцать мастеров серебряного и золотого дела, часть из которых были иностранцами. В конце XVI столетия там работали немецкие ювелиры, венецианские мастера, вырезавшие геммы; имеются данные и о нескольких англичанах. Известно, что чеканщик Яков Ган работал над созданием драгоценных скульптурных

изваяний для Гроба Господня, сооруженного по заказу царя Бориса Годунова.

В докладе речь пойдет о технике эмали по скани. Уже самые ранние золотые произведения середины XVI столетия из собрания Музеев Московского Кремля демонстрируют совершенное владение их авторами новой техникой; также в них присутствуют новые элементы декора, не использовавшиеся ранее в московском ювелирном искусстве. Работе одного европейского мастера, возможно итальянского, принадлежат оклад мерной иконы «Святой Иоанн Лествичник» (около 1554 г.), наперсный крест с резным изображением Распятия на сапфире (около 1554 г.) и оклад иконы «Богоматерь Владимирская» (1560-е гг.). Другим выдающимся западноевропейским мастером были выполнены оклад иконы «Богоматерь Иоасафовская» (1557 – 1560-е гг.) и золотая оправа камеи с изображением Иоанна Предтечи (середина XVI в.). Вероятно, он же изготовил золотую цепь, связанную с царским церемониалом (вторая половина XVI в.). Эти изделия по исполнению (цвету эмали и технико-технологическим особенностям) аналогичны широкому ряду произведений европейского ювелирного искусства XVI в. Эмаль по серебряной и золотой скани с XV в. и на всем протяжении XVI столетия использовали златокузнецы разных европейских стран. Отметим довольно широкий регион распространения этой техники в Европе, что было связано с перемещением мастеров-ювелиров и взаимопроникновением мотивов. Анализ памятников в музейных мировых собраниях показывает широкое применение эмали по скани на функционально разнородных предметах. Сохранилось довольно много североитальянских эмалевых произведений. В основном это различные оправы для сосудов, обрамления для небольших икон и медальонов, пластины, предназначавшиеся для украшения крупных предметов. Для них характерны зеленые, светло-голубые, синие и белые цвета эмали

и сканый узор, состоящий из тонких вьющихся стеблей с бутонами, трилистниками и цветочными четырех- и пятилепестковыми розетками. Подобный сканый растительный орнамент с включением длинных изогнутых листьев, примыкающих к стеблю, четырехлепестковых розеток, из которых выходят раздвоенные стебли, лилиеобразных цветов, трилистников, вырезанных из тонкого листового золота и заполненных эмалью светлых оттенков (глухой белой, светлой голубой, бирюзовой, прозрачной зеленой и синей) с вплавленными в нее капельками зерни, украшает созданные по заказу царя Ивана IV оклад иконы «Троица» (около 1548 г.) из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника и оправу наперсного креста (около 1554 г.) из собрания Музеев Московского Кремля. Отметим, что форма ветвей наперсного креста со слегка закругленными концами и квадрифолийная форма его оглавия не характерны для русских произведений и находят аналогии среди европейских памятников XVI в. Не исключено, что квадрифолийная форма оглавий, ранее в ювелирном искусстве Москвы не встречавшаяся, получила распространение именно с середины этого столетия, когда к работе в придворных мастерских были привлечены европейские ювелиры.

Эмаль по золотой и серебряной скани достаточно широко использовалась придворными ювелирами Священной Римской империи германской нации и в мастерских немецких городов. В музейных собраниях сохранилось значительное количество разнообразных по функции произведений: украшений и наперсных крестов, сосудов, предметов, связанных с церемониалом и репрезентацией власти. Узоры из раздваивающихся листьев со спускающимися усами и переплетающихся стеблей с трилистниками, сочетание красного, зеленого, темно-синего и белого цветов эмали характерны для немецкого ювелирного искусства. Подобные орнаменты с эмалями насыщенных, ярких цветов, в том числе красного, присутствуют

нескольких кремлевских памятниках: окладе иконы «Богоматерь Иоасафовская», оправе камеи середины XVI в., оправе панагии 1589 г. Характер сердцевидного декора с включением драгоценных камней и цвета эмали оклада иконы «Иоанн Лествичник» находят ближайшие аналогии в произведениях, выполненных в Южной Германии во второй половине — последней четверти XVI в.

Выявленные аналогии среди итальянских и немецких произведений, созданных в технике эмали по золотой и серебряной скани, и проведенное сопоставление изделий западноевропейских и кремлевских мастеров позволяют сделать следующий вывод: при царском дворе с середины XVI столетия трудились целые группы первоклассных ювелиров из различных регионов Европы.

Е.А. КАРЦОВА
Русский музей, Санкт-Петербург

СТРОГАНОВЫ ИЛИ ГОРДОНЫ? ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОРТРЕТОВ ГРИГОРИЯ ДМИТРИЕВИЧА И МАРИИ ЯКОВЛЕВНЫ СТРОГАНОВЫХ

Организованный Музеями Московского Кремля выставочный проект «Яков Брюс. Шотландский гений Петровской эпохи» побуждает обратиться к фигуре еще одного выдающегося шотландца, чья иконография до сего времени практически не привлекала внимания исследователей[1]. Генерал и контр-адмирал Патрик (Петр Иванович) Гордон (1635–1699) поступил на русскую службу в 1661 г. и, оставаясь ревностным католиком и якобитом, преданно служил России вплоть до своей кончины в 1699 г. Оставив после себя уникальное эпистолярное наследие в виде шести томов дневников с фиксацией событий повседневной и политической жизни раннепетровского времени, Гордон стал важнейшим свидетелем той эпохи. Вместе с тем ряд памятников, потенциально связанных с ним и его семейным окружением, до настоящего времени продолжает рассматриваться в рамках сложившейся еще в XIX в. историографической традиции.

Настоящее исследование посвящено анализу произведений, которые традиционно связывают с именами Григория Дмитриевича и Марии Яковлевны Строгановых, а также вопросу о возможной принадлежности этих полотен к иконографии семьи Патрика Гордона[2]. Долгое время в специальной литературе вопрос о личности изображенных рассматривался как решенный, а первоначальное обоснование атрибуции отошло на второй план.

Фокус нашего внимания сосредоточится на изображении М.Я. Строгановой (урожденной Новосильцевой, 1677–1733) из собрания Русского музея (инв. № Ж-4). Отправной точкой для укоренившейся идеи об изображении на этом портрете именно Марии (Вассы) Яковлевны Строгановой послужил каталог выставки 1870 г., составленный П.Н. Петровым[3]. В нем произведение было приписано кисти Романа Никитина и датировано 1720-ми гг. Авторство Романа Никитина (1691–1754) сомнительно: в искусствоведческом дискурсе за полтора столетия не было предъявлено ни одного весомого доказательства его существования как «живописных дел мастера».

Поворотным моментом в пересмотре атрибуции стала обнаруженная в картотеке отдела живописи XVIII — начала XIX в. Русского музея рукописная карточка о передаче в Гатчинский дворец копийного портрета, по описанию напоминающего рассматриваемый нами. На обороте карточки помещена надпись: «Супруга Генералъ Фельдмаршала Гордона копирована в 1786 году». Здесь же присутствовал старый инвентарный номер Императорского Эрмитажа. В третьем инвентаре Императорского Эрмитажа от 1859 г. под номером 6096 значится: «Портрет супруги фельдмаршала Гордона. Раб. Неизвестного»[4]. Картина сегодня принадлежит собранию Государственного музея-заповедника «Павловск» и в инвентарных описаниях имеет следующую атрибуцию: «Никитин Роман (копия). Портрет М.Я. Строгановой».

В первом томе немецкого текста дневников Патрика Гордона[5], изданном в Москве в 1849 г., помещены литографии И.А. Клюквина, запечатлевшие генерала и его вторую жену Елизавету, дочь полковника Якоба Ронэра. Их изображения на этих гравюрах идентичны изображениям на ряде погрудных живописных портретов, хранящихся сегодня во многих отечественных музеях, например в Государственном Эрмитаже, Государственном музее-заповеднике «Павловск»,

Пермской государственной художественной галерее и других, и считающихся портретами Г.Д. и М.Я. Строгановых.

Историческая традиция связывала женский портрет из Русского музея с мужским изображением Г.Д. Строганова, происходящим из усадьбы Марьино (ныне входит в собрание Одесского художественного музея)[6]. Рентгенограммы 1970-х гг. показали, что эти произведения имеют разный генезис: мужской образ написан с использованием красного пигмента в грунте, авторский мазок не выявляется, тогда как грунт картины из Русского музея красного пигмента не имеет, а выполнен он аккуратным мазком профессионального художника. Более вероятным парным изображением к женскому портрету представляется портрет из собрания Государственного Эрмитажа (инв. № ЭРЖ-1849), также считающийся изображением Г.Д. Строганова. В пользу этого предположения говорят сопоставимый масштаб, тональная проработка объемов, сходное построение освещения и близкий характер фона.

Анализ костюма и украшений ставит под сомнение датировку женского портрета 1720-ми гг. и атрибуцию изображенной как русской статс-дамы. Особый визуальный диссонанс рождает сочетание закрытой парчовой телогреи и высокого фонтанжа из брабантского кружева. Пик распространения подобных головных уборов приходится на 1690-е гг., в 1710-е гг. они выходят из моды[7]. Стремительное увеличение высоты фонтанжа сопровождалось изменением женского ювелирного ансамбля: тогда получили распространение украшения типа *bandeau*, располагавшиеся вдоль линии роста волос и дополнявшие сложную композицию головного убора, а также серьги-панделоки (*pendeloques*) с массивной каплевидной подвеской. Их вытянутые формы способствовали созданию композиционного равновесия образа.

Существенное значение имеет анализ алмазной персоны на рассматриваемых портретах. Атрибутируя женский портрет,

П.Н. Петров, вероятно, ошибочно соотнес ее с наградой, пожалованной М.Я. Строгановой в 1724 г., однако к 1720-м гг. иконография финифтевой миниатюры была совершенно иной. Перед нами ранний тип персоны (Неллера – Боата), он соответствует времени, когда подобные внестатутные награды получали лишь представители высшего военного командования или дипломатии. Устав ордена Святой Екатерины 1714 г., а затем и проект ордена Святого Андрея Первозванного регламентировали ношение женских наград исключительно на груди. П.Ф. Карабанов отмечал, что М.Я. Строганова всегда носила портрет «на голубом банте»[8]. Способ крепления миниатюры в виде кулона, который мы видим на интересующих нас женских портретах, указывает на ранний «доуставной» период создания оригинального произведения, то есть до 1714 г.

Комплексный анализ позволяет пересмотреть традиционную атрибуцию портретов как изображений супругов Строгановых и выдвинуть гипотезу об их принадлежности к кругу изображений членов семьи Патрика Гордона.

[1] Об иконографии П. Гордона писал Д.А. Ровинский (*Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 622–623); портретные изображения генерала рассмотрены в статье Д.Г. Федосова (*Федосов Д.Г.* Последние походы // Гордон Патрик. Дневник, 1696–1698 / пер., ст. и прим. Д.Г. Федосова. М., 2018. С. 243–245).

[2] Автор выражает глубокую признательность С.В. Моисеевой за ценные научные консультации, а также благодарит сотрудников отдела живописи XVIII – начала XIX в. Русского музея за ценные советы и рекомендации, способствовавшие подготовке данного доклада.

[3] См.: Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников / сост. Л.Н. Петров. 2-е изд., испр. и доп. Алфавитным указателем. СПб., 1870. С. 32.

[4] АГЭ. Ф. 1. Оп. 66. 1859. Ед. хр. Т. 7. Л. 31.

[5] См.: *Gordon P.* Tagebuch während seiner Kriegsdienste unter den Schweden

und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699, veröffentlicht durch Fürst M.A. Obolenski und M.C. Posselt. Moskau; St. Petersburg, 1849. Bd. 1.

[6] Подробнее см.: *Трубников А.А.* Марьино // Старые годы. 1910. Июль — сент. С. 169; Портрет Петровского времени : каталог выставки / ред. Б.Л. Волков. Л., 1973. С. 92; Петр I. Время и окружение : каталог выставки. СПб., 2015. С. 113.

[7] См.: *Palliser B.* History of Lace / entirely revised, rewritten and enlarged under the ed. of M. Jourdain and A. Dryden. New York, 1902. P. 166; *Corson R.* Fashions in Hair: the First Five Thousand Years. 2nd ed., abridged. London, 1965. P. 228; *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов / коммент. А. Васильева. М.; СПб., 2001. С. 554.

[8] См.: *Карабанов П.Ф.* Исторические рассказы и анекдоты; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. М., 2012. С. 117.

М.-В.М. КЛИНКО
МГУ имени М.В. Ломоносова

УЧЕНЫЙ НЕМЕЦ В МОСКВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИОГАННА МАТТИАСА ШАДЕНА

Иоганн Маттиас Шаден был одним из первых немецких профессоров, приглашенных в основанный в 1755 г. Императорский Московский университет. Уроженец Пресбурга и доктор философии Тюбингенского университета, он прибыл в Москву в 1756 г. и прослужил Московскому университету 41 год, вначале как ректор и преподаватель гимназий, а затем как университетский профессор. Помимо того Шаден содержал в своем доме частный пансион для дворянских мальчиков, где, в частности, проходил обучение юный Н.М. Карамзин.

Настоящий доклад посвящен внеслужебному времяпрепровождению Шадена: его проживанию в Москве, кругу общения и быту. Повседневная жизнь московского профессора реконструирована на основе источников личного характера (писем и воспоминаний современников), а также при помощи актового и графического материалов. Их данные свидетельствуют о том, что внеслужебное время Шаден, немец по происхождению и лютеранин по вероисповеданию, предпочитал проводить в комфортной для себя культурно-языковой среде, которую в Москве рассматриваемой эпохи воплощала Немецкая слобода. При этом некоторое время он мог проживать в Кисловской слободе, что, вероятно, было связано с близостью к месту службы. Однако впоследствии Шаден окончательно перебрался в Немецкую слободу, где у него имелось обширное домовладение, обустроенное в том числе для должного функционирования созданного им домашнего пансиона.

Круг частного общения Шадена состоял преимущественно из таких же немцев, проживающих в России. Причем если в молодости он мог позволить себе фамильярное общение с ремесленным людом Немецкой слободы (на что указывают письма немецких контрагентов Шадена по Московскому университету), то в более зрелом возрасте в его социальный круг входили люди, равные ему по интеллектуальному уровню и имеющие академические склонности, в частности бывший его другом граф Ф.А. Остерман, сын знаменитого петровского сподвижника, писатель Я.М.Р. Ленц и директор Медицинской канцелярии доктор И.Я. Лерхе. Кроме того, у Шадена могли бывать некоторые другие иностранцы, проживавшие или бывшие проездом в Москве. Также известно, что в Немецкой слободе у профессора имелись приятели-иноземцы, к которым он водил в гости юного Карамзина для языковой практики.

Быт зрелого Шадена запечатлен прежде всего его студентом, и будущим профессором Харьковского университета, И.Ф. Тимковским[1], навещавшим своего учителя, и отчасти одним из его пансионеров, будущим писателем и чиновником, А.П. Степановым[2]. Сохранившиеся зарисовки быта свидетельствуют о размеренном проживании зрелого Шадена в Немецкой слободе, педантичном образе жизни немецкого профессора, а также о его гуманном отношении к домочадцам, которыми для него и его супруги-немки, не имевших собственных детей, являлись юные пансионеры из дворян.

[1] См.: *Тимковский И.Ф.* Памятник Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского университета // Москвитянин. 1851.Ч. 3. № 9/10. С. 1–49.

[2] См.: *Степанов А.П.* Странички из истории воспитания в России конца прошлого века. Пансион профессора Шадена // Русская школа. 1891. № 1. С. 18–22.

К.И. МАРКОВА
Национальная ассоциация специалистов
по протоколу (НАСП), Москва

ЮРБЕН ДЮБУА: ИНОСТРАНЕЦ НА СЛУЖБЕ РОССИИ И РУССКИЙ ВКЛАД В СТРУКТУРУ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАПЕЗЫ

Имя Юрбена Дюбуа не так хорошо известно, как имена других замечательных французских шеф-поваров, таких как Антонин Карем и Огюст Эскофье. Между тем считается, что именно его авторству принадлежит привычный сегодня французский термин *chef de cuisine* — «шеф», то есть начальник кухни, который полностью придумывает концепцию и отвечает за воплощение гастрономического замысла.

Этот удивительный человек напрямую причастен к значительным изменениям в европейской культуре застолья, тем не менее его личность и заслуги перед нашей страной, а также вклад в европейскую кулинарную традицию не совсем справедливо остались в тени других, пусть и не менее достойных, людей, в частности упомянутых выше А. Карема и О. Эскофье.

Юрбен Дюбуа работал в семье Ротшильдов, а затем оттачивал свое мастерство в самых престижных парижских ресторанах. Был на службе у графа Уруского, польского маршала, позднее при дворе короля Вильгельма I Прусского. В 1850-х гг. он работал в России у графа Орлова.

Вернувшись на родину, повар стал активным популяризатором в Европе русской подачи (*service à la russe*), пришедшей на смену господствовавшей несколько веков принципиально французской (*service à la française*).

Русская подача стала революцией в истории трапезной культуры; именно тогда столы стали похожи на привычные нам

сегодня. Этот этап сложно переоценить, ведь суть французской подачи состояла в первую очередь не в том, какие блюда и как подавали, а в том, что люди, сидящие за одним столом, не ели одно и то же. Равенство сотрапезников пришло только с русской подачей. И конечно, изменения коснулись структуры трапезы и места закусок в меню.

Во Франции закуски появились в конце XVI в. при королевской кухне. Четыре французских слова: *hors d'oeuvre, entrée, entremets, relevé*, а также *amuse-bouche*, несколько иное по природе, можно перевести с той или иной степенью точности как «закуски». Но французские правила толковали закуски как нечто дополнительное, и, что еще более важно, до середины XIX в. во Франции их подавали не до начала застолья, а в процессе обеда или ужина, в промежутках между основными блюдами или в дополнение к ним.

По традиции в России до основного застолья в отдельном помещении накрывали специальный стол и щедро угощали гостей. Закусывать было принято стоя. Это, согласно мемуарам, крайне удивляло иностранцев, у которых такой традиции не было. И не стоит думать, что закуски представляли собой что-то небольшое. Маркиз де Кюстин в книге «Россия в 1839 году» подробно описал закусочный стол, и у него не нашлось подходящего французского аналога для этого явления: слово «закуска» он записал с оговоркой «если только я не ослышался»[1]. Иностранец, не знавший местных обычаев, мог насытиться одними закусками и оказаться в неловком положении на обеде, который уже стал бы для него излишним.

Если пить кофе в другом помещении считалось нормой в Европе, то отделять закуски от основной еды и подавать их заблаговременно стало подлинной изюминкой, которую привнес русский этикет в культуру европейских застолий.

В 1856 г. Юрбен Дюбуа, вернувшись во Францию, издал совместно с Эмилем Бернаром книгу “La cuisine classique” —

первое подробное профессиональное описание принципов русской и французской подачи и практическое руководство по переходу от одной к другой[2]. В предисловии авторы прямо называли своей задачей популяризацию русского метода. Книга выдержала восемнадцать изданий. Примерно с 1860 г. русская система подачи закусок стала распространяться во Франции, на что указывается в статье "Hors-d'œuvre" энциклопедии "Larousse Gastronomique" 1938 г.[3]

В 1872 г. в книге Дюбуа "Cuisine de tous les pays" впервые в истории французского языка появилось выражение *zakouski à la Russe* с точным определением: закуски — это то, что русские имеют обыкновение есть до того, как садятся за стол[4].

Обычай подавать закуски перед едой, привезенный Дюбуа из России, привлек внимание французов и постепенно стал частью европейской культуры застолья. Правда, идея несколько трансформировалась: уменьшилось количество и изменился ассортимент подаваемого. Закуски сначала переместились в обеденный зал, поближе к основному столу, а потом и за сам стол, заняв почетную первую строчку в меню.

Из уважения к происхождению этой традиции по сей день в меню на любом языке часто так и пишут: *Zakuski*. Каждый раз, когда в ресторане приносят закуску первой — до всего остального, приятно вспомнить: это русская традиция, прославленная на весь мир французским поваром.

[1] См.: *Custine A. de.* La Russie en 1839. Paris, 1843. T. 4. P. 65.
[2] См.: *Dubois U., Bernard E.* La cuisine classique. Paris, 1856.
[3] См.: *Montagné P.* Larousse Gastronomique. Paris: Éditions Larousse, 1938. P. 577–609.
[4] См.: *Dubois U.* Cuisine de tous les pays: études cosmopolites où sont rassemblées plusieurs recettes allemandes, françaises, italiennes, anglaises, russes, polonaises, etc. Paris, 1872. P. 180.

Т.А. МАТАСОВА
МГУ имени М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЕ ГРЕКИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Приезд греков в Москву с Софьей Палеолог в 1472 г. и позднее принадлежит к числу значимых явлений последней четверти XV — первой трети XVI в. и во многом определил характер эпохи. Их деятельность как дипломатов и переводчиков изучалась несколькими поколениями отечественных и зарубежных ученых. Не вызывает сомнений, что греки внесли выдающийся вклад в становление и развитие связей Московской Руси с европейскими странами, а также в теорию и практику перевода. Переведенные ими тексты существенно обогатили русскую культуру, познакомили ее не только с новыми христианскими памятниками, но и с яркими произведениями античной литературы, например с первой книгой «Географии» Помпония Мелы, которая принадлежала к числу любимых текстов гуманистов последней трети XV — первых десятилетий XVI в. Нередко греков называют проводниками культуры Ренессанса в России, хотя многочисленные исследования последних лет показали, что говорить о рецепции идеалов Возрождения в русской культуре стоит с большой осторожностью, отмечая лишь специфическое восприятие отдельных его элементов[1]. При этом некоторые греки сыграли значительную роль в развитии именно православной традиции в России. Это примечательно, поскольку многие из них, особенно приехавшие с Софьей из Рима, изначально в той или иной мере разделяли униатские воззрения. Во всяком

случае, находясь в Италии и пользуясь покровительством кардинала Виссариона, они не могли не испытать влияния его взглядов.

По приезде в Россию «итальянские» греки, как и сама «царевна», по очевидным причинам стремились не афишировать свои религиозные симпатии (идеологи брака великого князя Ивана III с Софьей и вовсе подчеркивали, что «дочь деспота Аморейского» «не хочет в латинство»). Вопрос о том, как все-таки решилась проблема с вероисповеданием Софьи, все еще является предметом дискуссий. В источниках отсутствуют сведения о том, переходили ли греки из ее окружения в православие в Москве. Тем не менее большой интерес вызывает недавно введенное в научный оборот известие о том, что представители рода Траханиотов принимали перед смертью иноческий постриг. В одном из синодиков XVI в. Успенского собора Московского Кремля вечная память провозглашена «Димитрию Мануиловичю, нареченному во иноцех Дионисию, и брату его Юрью Мануиловичю, нареченному во иноцехъ Герману, Юрью Дмитриевичю, нареченному во иноцех Геннадию, Траханиотом»[2]. Это дает основания предполагать, что греки, во всяком случае близкие владыке Геннадию Траханиоты, вполне разделяли на протяжении жизни в России именно православные убеждения. То же можно предполагать о Микуле Ангелове, который был пожалован за службу селом, где был возведен храм в честь святителя Николая Чудотворца. Его сын Андриан Ангелов стал знаменитым книжником Троицкой обители. Однако не известно об их интересе именно к «латинскому» наследию. Греки второго и третьего поколения в России были гораздо больше вовлечены не в налаживание связей с Западом, а в распространение афонских преданий, оказавших большое влияние на русскую религиозную мысль[3]. Так, со слов Дмитрия Ласкирева было записано «Сказание о чудотворном явлении Спасова образа

как благоверному царю Мануилу Греческому», которое представляет собой предысторию иконы «Спас на престоле» из новгородского Софийского собора[4]. Епископ Тверской Нил Грек (в миру Мануил Дмитриевич Траханиот), наставляя князя Юрия Ивановича Дмитровского, пересказал целый ряд афонских преданий[5].

Особым своеобразием отличался жизненный путь Константина Мангупского (преподобного Кассиана Учемского). Он был одним из немногих греков, не служивших ни великому князю Ивану III, ни Софье Палеолог. По-видимому, он с самого начала не разделял униатских воззрений и потому довольно скоро (в 1480-е гг.) принял постриг в Ферапонтовом монастыре, а позднее основал пустынь при впадении реки Учемки в Волгу. И пусть встречающиеся в некоторых исследованиях известия о его переписке с преподобным Нилом Сорским не подтверждаются источниками, сам факт основания им православной обители свидетельствует о его идеалах и устремлениях. Конечно, в своем служении он ориентировался на опыт аскетов и проповедников эпохи Вселенских Соборов, но все же в его житии, ранняя редакция которого была составлена, по-видимому, в XVI в., подчеркнута его роль в развитии русских монашеских традиций. В дальнейшем Учемский монастырь, просуществовавший до 1762 г., так и не превратился в крупный книжный или хозяйственный центр, однако стал одной из главных святынь угличской округи. Преподобный Кассиан с XVII в. стал истово почитаться как один из главных небесных заступников города. О широком почитании этого праведника не только в Угличе, но и в Ярославле, Новгороде, Москве и других городах говорят многочисленные вклады в обитель от представителей всех сословий. Образ преподобного был важен и в концепции местной истории, отраженной в Угличских летописцах XVIII в.[6]

Роль греков в развитии православной культуры в России была велика. Она проявилась как в переводах «геннадиев-

ского круга» и распространении афонских преданий, так и в принятии ими монашества и даже в аскетических подвигах в близких русской культуре формах. Почитание преподобного Кассиана и судьба основанной им пустыни — яркое свидетельство того, что эта роль не ограничилась только периодом жизни греков-эмигрантов и их потомков, но и развивалась в веках.

[1] См.: *Матасова Т.А.* Софья Палеолог и проблема ренессансного влияния в русской культуре в конце XV — начале XVI в. // In dialogo con l'Occidente: Rinascimento e renovatio nella Russia del Cinquecento / a cura di Marcello Garzaniti, Ovanes Akopyan, Iris Karafillidis, Francesca Romoli. Firenze, 2025. P. 47–68.

[2] Памятники истории русского служилого сословия / сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 175–176.

[3] Подробнее см.: *Матасова Т.А.* К вопросу о деятельности греков-эмигрантов «второго поколения» в России в первой четверти XVI века // ΔΙΔΑΣΚΑΛΟΣ ΚΑΙ ΣΟΦΟΣ : сборник статей к 90-летию И.П. Медведева. СПб., 2025. С. 313–324.

[4] См.: *Брюсова В.Г., Щапов Я.Н.* Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом // Византийский временник. М., 1971. Вып. 32. С. 92-94; Кириллин В.М. Предание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия»: текстологическое и историко-литературное исследование // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Вып. 12. С. 119.

[5] См.: *Матасова Т.А., Воробьев Г.М.* Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // Византийский временник. 2016. Т. 100. С. 294–308.

[6] В первую очередь см.: *Матасова Т.А.* Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи из Собрания Н.С. Тихонравова № 234) // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. М., 2022. Вып. 1. С. 219–292; *Она же*. Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 153–164.

С.В. МОИСЕЕВА
Русский музей, Санкт-Петербург

ЛУИ КАРАВАК — ПЕРВЫЙ ПОРТРЕТИСТ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА (1716–1754)

Луи Каравак — художник недооцененный. Его творчество — гораздо более яркое и значительное явление в русской культуре первой половины XVIII в., чем принято считать. Портреты его кисти часто приписывались либо другим работавшим в России иностранцам, либо русским художникам Ивану Никитину и Андрею Матвееву, в которых историки искусства непременно хотели видеть мастеров европейского уровня.

Каравак родился 31 января 1684 г. в Марселе, был представителем третьего поколения французских резчиков по дереву и скульпторов, работавших в Марселе и Тулоне. Свою деятельность он также начинал в Арсенале галер в Марселе. На русской службе числился с 1 ноября 1715 г. Согласно контракту, заключенному в Париже с агентом Петра I Иваном Лефортом 13 ноября того же года, он обязывался «езжать в санкт петербурх и работать в службе Царского Величества три года в живописи на масле для гисторических картин, портретов, баталей, деревей и цветов, зверей, как в болших, так и малых размерах, также в самой малой суптельной живописи». Вменялось ему в обязанность «взять в свою службу тех людей русского народу, которых Его Величество изволит ему дать для научения и обучения во всем, что касается до живописного художества»[1].

Каравак выполнил все, что обещал: написал портреты Петра I и членов его семьи, картины «Полтавская баталия»

(1718), «Взятие Шлиссельбурга» (1721), а также двадцать семь полотен с изображением «баталий и взятия городов» для «Залы славных торжествований» и Летнего дворца Екатерины I в Петербурге. В 1720-е и 1730-е гг. круг его обязанностей был существенно расширен. Под его руководством и при его участии живописцы Канцелярии от строений расписывали плафоны в Летнем и Зимнем дворцах (1725–1727) и в Петергофе (1720–1727). Каравак был одним из немногих иностранных мастеров, писавших иконы. Так, известны его работы для церкви Зимнего дворца (1725), Исаакиевской церкви (1727) и церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте (1747). В 1732 г. он стал директором Шпалерной мануфактуры. Художник написал картон для шпалеры «Полтавская баталия» (1717), четыре картона для шпалер с аллегорическими изображениями частей света по рисункам Ш. Лебрена (1730-е гг.). В 1718–1724 гг. по приказу князя Алексея Михайловича Черкасского он выполнил «двенадцать портретов чертежей триумфальной колонны совершенных, которую моделовал господин Растрелли», в 1747–1752 гг. участвовал в создании раки Александра Невского (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). В царствование Анны Иоанновны ему приходилось расписывать знамена, исполнять эскизы оформления празднеств, иллюминаций, фейерверков, эскизы костюмов и карет императрицы. В 1740 г. он руководил оформлением «печальной церемонии» похорон Анны Иоанновны. В его ведении находились вышивальщицы и обойщики, обивавшие мебель парчой, изготовленной по его рисункам. Занимался он и миниатюрой, но в настоящее время известна лишь одна его работа, представляющая императрицу Елизавету Петровну в виде Флоры (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).

Успешной была и педагогическая деятельность художника. В 1723 г. он представил Петру I и в 1727 г. Петру II проекты

создания в Петербурге «академии живописного художества, какая учреждена в Париже». Именно Каравак впервые в России организовал копирование картин европейских мастеров и рисование с обнаженной модели (1726–1739). Его учениками были И.Я. Вишняков, М.А. Захаров, А.П. Антропов. Все это говорит о многообразии творческих интересов живописца и его необыкновенном трудолюбии.

Не оставлял Каравак и главного своего занятия — создания императорских портретов. Прожив в России тридцать восемь лет, он написал портреты всех российских монархов первой половины XVIII столетия начиная с Петра I. К сожалению, многие произведения Каравака дошли до нас только в копиях. Возможно, некоторые из них до сих пор считаются произведениями неизвестных художников.

Каравак, мастер европейской выучки, хорошо понимал значение портретного этюда и широко использовал данный этап подготовки портрета. В настоящее время выявлено всего пять этюдов работы художника, и каждый из них заслуживает отдельного исследования.

Первым из них должен быть назван авторский вариант широко известного овального портрета Петра I из собрания Русского музея (инв. № Ж–1), созданный в конце 1717 г. Государь вернулся в Петербург из второго заграничного путешествия в среду, 9 октября 1717 г., в пятом часу пополудни[2]. В те дни и состоялась первая встреча царя и художника. С.В. Римская-Корсакова установила, что первоначально этюд был прямоугольного формата и сравнительно небольшого размера (53×45 см)[3]. Он стал основой для последующего «тиражирования» портретов «типа Каравака»[4].

После смерти Петра I писать почившего монарха были призваны все три его придворных портретиста: И. Никитин, И.Г. Таннауер и Л. Каравак. Работа последнего сохранилась (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), но, как и в

случае с овальным портретом из Русского музея, этюд стал составной частью произведения большего размера, дописанного в середине XIX в. художником-реставратором Ф. Табунцовым[5].

Однако особый интерес представляют два этюда для портретов императрицы Елизаветы Петровны из собрания Русского музея.

Овальный портрет дочери Петра I в молодом возрасте поступил в музей в 1923 г. из Академии художеств. Авторство этого портрета приписывалось И. Никитину на протяжении почти столетия[6].

Определение автора стало возможным после приобретения Государственным Эрмитажем в 1995 г. портрета Елизаветы Петровны в белом платье, атрибутированного Караваку сотрудниками Государственного Эрмитажа и Русского музея. Изучение изобразительного материала позволило сделать однозначный вывод, что портрет из Русского музея является этюдом к портрету из эрмитажного собрания. Как работа Каравака был определен и еще один этюд к портрету Елизаветы Петровны из собрания Русского музея, но более позднего времени, конца 1740-х — начала 1750-х гг. (инв. № Ж–4720).

Не так давно удалось доказать авторство Каравака в отношении еще одного этюда из Русского музея (инв. № Ж–9), традиционно считавшегося изображением Анны Иоанновны кисти А. Матвеева[7].

Для определения авторства этого произведения чрезвычайно важны этюды с изображениями Елизаветы Петровны. Обращает на себя внимание манера углубления пространства вокруг головы более темным цветом, чем фон, а также применение охристого грунта, во втором случае почти не скрытого живописью. Хорошо видно, как художник постепенно переходит от довольно тщательно проработанного фона к фону едва намеченному. Н.М. Молева и Э.М. Белютин предположили,

что на портрете из Русского музея изображена Анна Леопольдовна. Как ее портрет он был опубликован и в каталогах Русского музея 1980 и 1998 гг.[8]

Кандидатура Анны Леопольдовны особых сомнений не вызывала: императорских принцесс, кроме Елизаветы Петровны и Анны Леопольдовны, при дворе не было, а иконография Елизаветы Петровны известна более чем хорошо. Датировка произведения — не ранее 12 мая 1733 г., когда Анна Леопольдовна приняла православие, получила титул великой княжны и орден Святой Екатерины, и не позднее 25 ноября 1741 г., когда она была арестована по приказу Елизаветы Петровны. Но кто, собственно, изображен: великая княжна (с 12 мая 1733 г.), герцогиня Брауншвейг-Люнебургская (с 3 июля 1739 г.) или правительница Анна Леопольдовна (с 17 октября 1740 г.)? Вполне возможно, что Каравак написал данный вариант этюда ближе к началу 1740-х гг., когда Анна Леопольдовна стала правительницей, и предполагал, по своему обыкновению, дальнейшее использование его в портретах новой государыни-регентши при малолетнем императоре Иоанне VI.

Каравак умер в Петербурге 9 июня 1754 г. и похоронен на кладбище Сампсониевского собора (могила не сохранилась).

[1] РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 25. Л. 522.
[2] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. С. 125.
[3] См.: *Римская-Корсакова С.В.* Атрибуция ряда портретов петровского времени на основании технико-технологического исследования // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования / [науч. ред. Г. Н. Комелова]. Л., 1977. С. 196.
[4] См.: *Шарандак Н.П.* Русская портретная живопись петровского времени. Л., 1987. С. 60.
[5] См.: Петр I. Время и окружение / авт. вступ. ст.: Григорий Голдовский, Светлана Моисеева. СПб., 2015. С. 55, № 49.

[6] См.: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век : каталог. СПб., 1998. С. 95, кат. № 198.
[7] См.: *Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В.* Андрей Матвеев. М., 1984. С. 128.
[8] См.: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века : каталог. Л., 1980. С. 201, кат. № 3521; Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век : каталог. С. 126, кат. № 314.

О.Я. НОЗДРИН
Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орел

FUIMUS: БРЮСЫ В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ

В родословной Брюсов реальность давно смешалась с легендами. Лишь два Брюса были королями Шотландии, но каждый Брюс считал себя достойным короны, хотя бы графской, как случилось во Франции и в России.

Первые представители знаменитой фамилии появились в Москве в начале XVII в. В 1605–1606 гг. ученый и дипломат кейтнессец Уильям Брюс (1560–1610) состоял в свите Лжедмитрия I. В 1630–1650-е гг. царскую службу несли капрал Эндрю, сержант Джон и прапорщик Митчелл, сражавшиеся с Речью Посполитой за утраченные Россией в Смуту земли. В 1647 г. из Нидерландов прибыл прапорщик, нанятый И.Д. Милославским, Уильям, или Вилим, Брюс (около 1627 – 1680), дослужившийся до полковника, вотчинник Смоленского уезда и отец, пожалуй, самых выдающихся полководцев династии — генерал-поручика Романа (1668–1720) и генерал-фельдмаршала графа Якова (1669–1735) Брюсов.

Их младший современник, инженер Питер Генри Брюс (1692–1758), капитан русской армии в 1711–1724 гг., мало привлекал внимание исследователей, в отличие от его мемуаров, без которых сложно представить петровское время. Он и его менее известные сородичи, связанные с Россией: Хенри (1700–1772), Роберт (1690–1745) и Андерс (1666–1737) — своими жизнями в полной мере оправдали клановый девиз *Fuimus* («Были»). Они заслуживают более пристального внимания.

О.В. ОКУНЕВА
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва

В.А. СТАСЕВИЧ
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

«ПЕРВЕНСТВЕННЫЙ ДОКТОР ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА РОБЕРТ КАРЛУСОВИЧ АРЕСКИН»: ИМЯ, ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В докладе будут рассмотрены некоторые обстоятельства биографии Роберта Арескина — лейб-медика Петра I, главы Аптекарского приказа, первого попечителя Кунсткамеры и будущей библиотеки Академии наук и первого лица, занимавшего должность архиатра (главного начальника всей гражданской и военной медицинской части в России). Несмотря на столь внушительные титулы и звания, эта фигура менее известна, чем другие шотландские учителя и сподвижники Петра I: Патрик Гордон и Яков Брюс. В первой части доклада О.В. Окунева предложит для обсуждения такой, казалось бы, несложный вопрос, как способ именования шотландского лейб-медика на русской службе. В действительности все оказывается не так просто.

Сегодня «фамилия» Арескин, то есть название соответствующего шотландского клана и фамилия его официального главы, по-английски пишется как *Erskine* и произносится как [ɜːrskɪn]. По-русски эта фамилия, за отсутствием в русском языке начальной гласной [э], обычно передается как «Эрскин». Но во времена петровского лейб-медика в ходу было два написания: *Erskine* и *Areskine*. Изученные собственноручные подписи Роберта Арескина под различными официаль-

ными документами и в переписке разной степени приватности показывают, что он, как и другие представители ветви его клана, использовал написание *Areskine*. О передаче же этого имени по-русски свидетельствуют документы на кириллице: делопроизводственные записи и свидетельства современников. В подавляющем большинстве случаев речь идет об «Арескине» (более редкая вариация — «Арешкин»), но никак не об «Эрскине». Судя по ряду обстоятельств, русское написание «Арескин» соответствует произношению, а не является транслитерацией. Таким образом, появившаяся в последние десятилетия в отечественной историографии тенденция называть царского лейб-медика «Эрскиным» не соответствует тому, как сам он писал свою фамилию и как его именовали его русские контрагенты в XVIII столетии.

Во второй части доклада В.А. Стасевич представит обзор сегодняшнего состояния исследований о Роберте Арескине. Одним из важнейших этапов в изучении данной темы стал выход в 2022 г. коллективной монографии, посвященной его гербарию[1]. Главным предметом этой работы стал именно гербарий, составленный шотландцем в 1709 г., но в монографию были включены и главы по смежной тематике: обзор состояния и деятельности Аптекарского приказа при Роберте Арескине, очерк его биографии и наследия, описание сохранившихся ботанических книг из его библиотеки.

Впрочем, уже сегодня результат этой работы не кажется в достаточной мере актуальным и безупречным — и мы имеем в виду прежде всего биографический очерк. Так, в нем были досадно упущены новейшие открытия. В частности, А.В. Морохин установил обстоятельства приезда Арескина в Россию. Сведения об этом опубликованы в его статье 2021 г.[2], а в 2024 г. появилась монография того же автора о придворных врачах в Петровскую эпоху, включающая в себя биографический очерк об Арескине[3]. В 2020–2022 гг. вышли статьи коллектива других

авторов: Н.В. Милашевой, Д.В. Овчинникова и В.О. Самойлова, в которых приведены сведения из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота[4]. Среди обнаруженного исследователями материала числится дополнительный источник о прибытии Арескина в Россию, а также новые и забытые старые данные о назначении его архиатром в 1706 г. В статье Д.А. Рукавишникова, Е.Н. Васильевой и Н.А. Давыдовой опубликованы сведения об имении «Пакола», которое упоминается в завещании шотландца. Как убедительно доказано авторами, на месте этого имения находится современный поселок Парголово[5]. В 2026 г. вышел справочник о шотландцах в России в XVI — начале XVIII в., подготовленный Д.Г. Федосовым и О.Я. Ноздриным. Роберту Арескину (авторы называют его «Эрскином») посвящен обширный очерк, в котором учтены и последние публикации, и прежде неизвестные отечественной историографии источники[6].

В завершение кратко скажем о перспективах изучения биографии Роберта Арескина и его наследия. Во-первых, можно и нужно продолжать архивные разыскания. Особое внимание необходимо уделить его переписке, которая заслуживает полного научного издания. Во-вторых, крупнейшее сохранившееся собрание документов, имеющее отношение к лейб-медику Петра I, — его библиотека — до сих пор не получило полного или просто последовательного описания. В.А. Стасевич ведет соответствующую работу и рассчитывает уже в этом году подготовить к печати первый том каталога сохранившихся книг.

[1] См.: Гербарий Роберта Арескина, лейб-медика Петра Великого, архиатра / авт.-сост. А.К. Сытин, Д.Д. Сластунов. СПб., 2022.

[2] См.: *Морохин А.В.* О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 110–126.

[3] См.: *Морохин А.В.* Придворная медицина в России в петровскую эпоху. 1682–1733 гг. М., 2024. С. 196–213.
[4] См.: *Милашева Н.В., Овчинников Д.В., Самойлов В.О.* Роберт Эрскин — первый архиатр, организатор военной медицины и военно-медицинского образования в России // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2021. Т. 23, № 4. С. 289–300 (особенно см. с. 292); *Они же.* Аптекарский приказ, Роберт Эрскин и грамота Петра I // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2022. Т. 24, № 2. С. 391–400 (особенно см. с. 395–396).
[5] См.: *Рукавишников Д.А., Васильева Е.Н., Давыдова Н.А.* Парголовская мыза на планах XVIII века: от крестьянской пашни до Шуваловского парка // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2023. Вып. 243. С. 136–161.
[6] См.: *Федосов Д.Г., Ноздрин О.Я.* От Льва к Двуглавому Орлу. Шотландцы в России. 1500–1725. М.; СПб., 2026. С. 385–388.

Т.А. ОПАРИНА
Российская академия живописи,
ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
Институт российской истории РАН, Москва

РОД ФАРЕНСБАХОВ В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ

Среди иностранцев на русской службе в раннее Новое время традиционно преобладали представители германских государств. Одним из родов, обосновавшихся в России, стало семейство ливонских немцев фон Фаренсбах (варианты написания фамилии: *von Fahrensbach, Farensbach, Farenszbeck, Varensbek, Varensbeke, Varenszbeke, Vernsbach, Verensbeke*, в русской традиции — Францбековы или Франзбековы). Это был разветвленный клан, имевший все основания гордиться своим знатным происхождением. Считается, что он восходит к вассалам рыцарей-меченосцев. В XIV в. представители рода переселились из Рейнской области — одного из ключевых владений Тевтонского ордена — в Ливонию — восточную часть орденских земель, управлявшуюся Ливонским орденом, — и уже оттуда перебрались на остров Эзель. В Ливонии Фаренсбахи были частью эзельско-викского дворянства; после распада Ливонского ордена они поселились в Дании и Швеции.

Первым на службе русских государей оказался Юрген фон Фаренсбах (*Jürgen (Georg) Fahrensbach*, в русской версии Юрий Франзбек, в польской — *Jerzy Farensbach*), приехавший в Россию в составе свиты герцога Магнуса. Он был задержан в России, после чего поступил на службу к царю Ивану Грозному. Юрген фон Фаренсбах считается основателем формирований в русской армии, состоявших из иностранцев.

Пиком его военной карьеры была битва при Молодях в 1572 г. против армии крымского хана Девлета I Гирея, организовавшего набег на Москву. Отряд Юргена фон Фаренсбаха доблестно проявил себя, а сам ротмистр был щедро награжден царем. Иван Грозный возвысил наемника и рассчитывал на его участие в следующем походе — на Ливонию. Однако Юрген фон Фаренсбах не был готов воевать против своей родины. Когда русское войско пересекло границы России, он бежал и нашел приют в Вене. Он предпочел стать информатором русского государя, высылая из Вены послания, содержащие сведения о расстановке сил в Западной Европе.

Очевидно, примерно в то же время, что и Юрген фон Фаренсбах, на русскую службу поступил некий «Виндрик» Франзбеков, которого, вероятно, можно отождествить с Винрихом Фаренсбахом (*Wienrich (Hinrich) Farensbach, Winrich von Fahrensbach auf Walck in der Wiek*), выступавшим уполномоченным герцога Магнуса в дипломатических контактах.

Виндрик положил начало роду Франзбековых в России. Известно, что его сын Андрей служил в Панском (Иноземском) приказе и получал поместья в различных уездах. Наследниками владений Андрея в Ростовском и Московском уездах стали сыновья Юрий (Юрген) и Алфер. Как и отец, они начали службу в Иноземском приказе, в период Смутного времени участвовали в обороне Москвы в 1618 г. (Юрий Андреев Францбеков за это был даже награжден). В 1627 г. Алфер принял православие с именем Дмитрий, его крестным отцом стал дьяк Посольского приказа Иван Грязев. Дмитрий Андреевич Франзбеков был уже настолько погружен в русскую традицию, что освоил не только грамоту, но и навыки полемики. Перед обращением в православие он направил патриарху Филарету специально подготовленное антипротестантское послание. Впоследствии Дмитрия Андреевича Францбекова привлекали к богословским спорам с пастором Вальдемара

Кристиана, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Кристиана IV от морганатического брака. В числе прочих Дмитрий Андреевич Франзбеков, как бывший лютеранин, перешедший в православие, был призван в доверительной беседе переубедить графа и уговорить его принять православие первым чином. Ранее, в 1633–1636 гг., Дмитрий Андреевич служил постоянным представителем (агентом) России в Швеции. Это был первый дипломатический опыт русского правительства по созданию системы агентств.

Приняв православие, Дмитрий Андреевич Франзбеков получал назначения на воеводства в Яранске, Вятке и Якутске. В Якутске он, в частности, активно участвовал в организации и финансировании экспедиций землепроходца Ерофея Хабарова на Амур.

Примеру Дмитрия Андреевича последовал его родной брат Юрген, принявший православие с именем Иван; крестным отцом выступил дьяк Посольского приказа Иван Болотников. Иван Андреевич Франзбеков получал назначения на воеводство в Тотьме, Березове, Алатыре, Уфе, неоднократно направлялся для составления писцовых книг различных уездов. В 1656 г. возглавил посольство в Бранденбург с просьбой о посредничестве в переговорах между Швецией и Россией.

Однако не все представили рода принимали православие. В конце XVI в. в Угличском уезде в Елецком стане был наделен поместьем «немчин» Роман Андреев Франзбек (Рейнхольд (*Reinhold*) Фаренсбах). В период Смуты Роман Франзбек служил в роте Петра Гамильтона. Он участвовал в обороне от казаков, в том числе Захарьяша Заруцкого, а затем в подавлении мятежа. За заслуги перед царем Михаилом Федоровичем рядовой Роман Франзбек на монаршей аудиенции в 1613 г. получил наградной золотой. Верность Михаилу Федоровичу он хранил и в 1618 г., когда над столицей нависла угроза захвата войсками принца Владислава. Роман Франз-

бек отражал атаки осаждавших Москву поляков. Возможно, вместе с ним сражался и его сын Роман Романов Францбеков. Преданность была вознаграждена. За «осадное сиденье» Роман Франзбек получил вотчины в Галичском и Суздальском уездах. Его сыновья Ефим Романов и Иван Романов Франзбековы дослужились до звания полковников русской армии и принимали участие во всех крупных военных кампаниях второй половины XVII в.

Таким образом, представители рода Фаренсбахов активно проявляли себя в России на военной, административной и дипломатической службе на протяжении почти двух столетий.

С.П. ОРЛЕНКО
Музеи Московского Кремля

ВИЛИМ ГЕЙМС И ВИЛИМ ГЕЙМС – ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ДОЗОРЩИКИ

Военно-политические реалии первой половины XVII столетия и неудача Смоленской кампании 1632–1634 гг. выявили необходимость преобразования вооруженных сил России. Модернизации армии сопутствовали масштабные закупки западноевропейского строевого оружия и доспеха. Поступление, хранение и выдача больших объемов оружия требовали правильной организации и учета, оружие нуждалось в проверке, рутинных работах по чистке и мелкому ремонту. Очевидно, что решение обширного комплекса задач требовало участия профессионально подготовленных кадров и ответственных должностных лиц.

К середине 1630-х гг. относятся упоминания в документах Оружейного приказа об оружейном мастере и «стройщике» Роберте Эйлорте (Элерте, Элете), которого также называли оружейным «чищельником» и «поделочным мастером». Известно, что у Р. Эйлорта было несколько помощников-иноземцев, а при необходимости их число увеличивалось за счет кадров Иноземского приказа. На попечении иностранцев находилось строевое оружие, хранившееся в неких «анбарах», точное расположение которых неизвестно.

В 1647 г. чин оружничего, заведывание придворными оружейными и ювелирными мастерскими получает боярин Григорий Гаврилович Пушкин. При новом руководстве происходят изменения в кадровом составе ведомства. От службы были

отставлены прежние мастера «подельщики», а «на Робертово место Элерта» «у государева ружья в стройщиках, и у поделки, и у чищенья, и у приему» был назначен Вилим Геймс[1]. К этому времени строевое оружие было перенесено из «анбаров» в помещения Оружейной палаты, на третьем этаже здания Дворцовых приказов в Кремле. Как следует из Перечневой описи государевой оружейной казны, в 1647 г. Оружейная палата являлась одним из крупнейших арсеналов Русского государства[2].

Должность Вилима Геймса официально определялась как «оружейный дозорщик», а в его обязанности входили прием, выдача, обеспечение хранения, чистка и мелкий ремонт строевого оружия, доспеха и воинского снаряжения. Постоянных штатных помощников у него не было. Для различных работ со строевым оружием нанимали ремесленников со стороны на условиях поденной оплаты, иногда использовали отставных мастеров Оружейной палаты или оружейников из Ствольного приказа. Дозорщик контролировал все процессы, а жалование ремесленникам выплачивалось на основании заверенной дозорщиком росписи с указанием имен и количества отработанных дней. Вилим Геймс владел ремесленной специальностью оружейного замочного мастера. По крайней мере, один замок его работы сохранился в собрании Музеев Московского Кремля. Упоминалось, что Геймс выучил «многих русских» людей, вероятно из числа наемных работников, «всякому оружейному делу».

В ведении дозорщика находились Верхние палаты на третьем этаже: помещения общей площадью около 300 м^2, вдоль стен которых (а также вдоль дополнительно построенных «переград») размещались «станы» — оружейные пирамиды. Верхние палаты запирались ключом дозорщика и опечатывались его личной печатью. Помимо Верхних палат в его ведении находилась еще и Мироновская (Поварская, или

Нижняя) палата (предположительно, арсенальное помещение на первом этаже, существенно меньшей площади).

По всей вероятности, Вилим Геймс был выходцем из Англии и в Россию прибыл на военную службу в чине прапорщика. Переход в дозорщики Оружейной палаты был для него несомненным карьерным взлетом и шагом к материальному благополучию. Иностранное происхождение, вероятно, облегчало Геймсу взаимодействие с западноевропейскими поставщиками оружия. К середине 1650-х гг., после ряда повышений, жалование дозорщика достигло солидной суммы: 40 рублей годового оклада и денежный корм по две гривны на день (6 рублей в месяц). Вилиму Геймсу принадлежал один из лучших дворов в Немецкой слободе, где помимо его многочисленного семейства жили «из найму» и трудились еще два иноземных оружейника. В 1657 г. в документах Оружейной палаты упоминается сын и полный тезка дозорщика, Вилим Геймс — младший, который помогал отцу в Оружейной палате «у приему и у отдачи» строевого оружия[3].

В январе 1663 г., после недолгой болезни, Вилим Геймс — старший скончался. Его вдове Анне была назначена пенсия: «месячный корм против полуполковниковых жен» по два рубля в месяц. Обязанности дозорщика были временно возложены на самопального стрелка Оружейной палаты Ивана Алексеева.

О младшем Вилиме Геймсе известно, что он поступил на военную службу, покинув родительский дом еще до смерти отца. В 1662 г. «рейтарского строя Томосова полку Шала прапорщик Вилим Хеймс» в качестве толмача с посольством князя П.С. Прозоровского отправился в Англию, а затем во Флоренцию и Венецию[4]. Молодой человек свободно владел английским и немецким языками, уверенно и бегло писал по-русски.

Осенью 1663 г. посольство возвратилось в Россию, и практически сразу Геймс-младший был назначен на отцовское ме-

сто, причем против собственной воли. Попытки сопротивления успеха не имели, и Вилим был вынужден подчиниться. Следует отметить, что с обязанностями дозорщика он справлялся вполне успешно. Документы фиксируют движение больших объемов строевого оружия, которое Геймс принимал, выдавал, руководил чисткой и починкой.

В середине 1660-х гг. выросло число арсенальных помещений, за которые отвечал дозорщик. Теперь строевое оружие хранилось еще и на перешедшем к Оружейной палате дворе боярина Никиты Романова. Вероятно, со временем служба в Оружейной палате обнаружила свои привлекательные стороны. Все профессиональные задачи Вилим решал оперативно и эффективно. Начальство было довольно его работой, поощряло дозорщика наградными выплатами и прибавкой жалования. В 1676 г. Вилим Геймс-младший умер. На его место был назначен голландец, бывший торговец оружием, Андрей (Хендрик) Свеленгребель.

Таким образом, в 1640-е гг. руководство Оружейного приказа после ряда проб и экспериментов нашло удачное кадровое решение вопроса по обеспечению приема, учета, хранения и выдачи строевого оружия. В бытность дозорщиками отца и сына Геймсов были выработаны устойчивые профессиональные алгоритмы, доказавшие впоследствии свою жизнеспособность и эффективность.

[1] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3929. Л. 4.
[2] См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Л. 1–83.
[3] РГАДА. Ф. 396. Оп.1. Д. 5849. Л. 6–7 об.
[4] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. 1662–1663 гг. Ч. 1. Л. 8 об.

А.Л. ПАВЛОВА
Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств РАХ, Москва

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ В МОСКВЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Иностранные мастера и их произведения в истории отечественного искусства в разное время живо интересовали специалистов. Однако по-прежнему далеко не все имена известны, не все виды искусства в равной мере исследованы. Остаются целые направления, участие в которых иностранцев до сих пор разработано фрагментарно. В частности, не очерчен круг иностранных художников Москвы, работавших в области церковного искусства и, шире, в сфере создания отделки интерьеров в первой половине XIX в.

Начало XIX столетия — время изысканных внутренних пространств в стиле классицизма, причем часть из них была выполнена до пожара 1812 г. и практически не сохранилась. Многое неоднократно переделывалось во второй половине XIX — начале XX в., а позднее, в советское время, было утрачено; некоторые памятники были кропотливо восстановлены усилиями реставраторов. При этом имена и биографии художников часто остаются неизвестны, доля иностранцев среди них не определена, а сведения о них разрознены. При этом не вызывает сомнений высокий художественный уровень московских интерьерных работ того времени и важность произведений иностранных художников, задававших тон в искусстве эпохи классицизма.

Отсутствие общих исследований выдвигает на первый план изучение архивных материалов, в частности из Центрального

государственного архива г. Москвы, где хранятся договорные документы — так называемые маклерские книги, содержащие важные сведения о художественной жизни Москвы в начале XIX в. Большая часть контрактов никогда не становилась предметом научного рассмотрения, хотя каждое условие на создание произведений интерьера обладает большой ценностью: в контрактах указаны имена мастеров и заказчиков, их статус, даты и стоимость выполнения работ, часто даны описания будущих произведений. Громадный массив всевозможной документации, среди которой указаны и работы иностранных художников, не позволяет в рамках одного доклада осветить все детали темы, но дает возможность выявить ряд ранее неизвестных художников и новых произведений известных мастеров.

Среди итальянских мастеров, работавших в Москве в начале XIX в., в первую очередь известны Доменико Скотти (1780–1826) и Антонио Клауди (Клаудо; вторая половина XVIII — начало XIX в.); новые архивные документы позволяют увеличить число итальянских монументалистов. В московских маклерских книгах нами обнаружены ранее не выявленный договор на роспись и иконы с известным театральным художником Антонио Каноппи (1774–1832) и новые сведения о стенописи Сантино Олделли (1780–1823) в одном из московских особняков. Наследие итальянских мастеров-монументалистов представляет интерес для изучения театрально-декорационного искусства, а также росписей церковных и светских интерьеров. Сведения из маклерских книг позволяют выяснить неизвестные подробности: например, теперь можно утверждать, что мастерская А. Каноппи в 1808 г. помещалась в доме С.С. Апраксина на Знаменке, а сам он в это время состоял в должности художника Московской театральной дирекции.

В начале XIX столетия в Москве снимали квартиры и дома, имели мастерские, брали учеников и выполняли заказы немецкие

мастера по дереву: краснодеревщик и мебельщик Иван Антонович Адлер (1810), столяр Фридрих (Федор Яковлевич) Форитц, мебельщик Федор Федорович Кириц (Кирич?), целый ряд представителей семьи Шмидт (Шмит): временный мастер столярного цеха Иван Иванов Шмидт (1819), Иван Карлович Шмидт (1813) и Иван Михайлович Шмидт (1809). Среди ювелиров в это время в контрактах также часто упоминаются иностранцы: цеховой мастер Иван Юдин Бернар (1812–1813), золотых дел мастер Богдан Карлович Вихман (1811), Федор Карлович Геслер (1813), временно цеховой ювелир Александр Иванович Кон (1809) и другие. В Москве работали мастера бронзовых дел, имевшие иностранное происхождение: Богдан Самойлович Фишер (1818), Иван Яковлевич Гильерс (1813) и другие. Особенный интерес представляют контракты, в которых даны описания их будущих произведений, например большого бронзового паникадила для московской церкви Троицы в Сыромятниках (не сохранилась), заказанного в 1818 г. Б.С. Фишеру старостой купцом Иваном Михайловичем Четвериковым (1773–1851).

Описания стенописи, мебели и светильников предоставляют новые оригинальные данные о технике и технологии, иконографии и особенностях терминологии эпохи классицизма. Контракты позволяют реконструировать утраченные произведения искусства и восполнить пробелы в отечественном искусствознании. Изучение биографий, работ и роли иностранных мастеров классицизма в Москве открывает широкое поле для дальнейших исследований.

Л.В. ПУЛИКОВА
Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств РАХ, Москва

ПИТЕР ЭДВАРД СТРОЛИ: ХУДОЖНИК-МИНИАТЮРИСТ ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Творчество немецкого художника-миниатюриста Питера Эдварда Строли (1766 — не ранее 1828) представляет собой интересный пример взаимодействия западноевропейской художественной культуры с российским императорским двором на рубеже XVIII–XIX вв. Несмотря на известность мастера в европейских аристократических кругах и наличие его работ во многих ведущих музеях мира, включая Государственный Эрмитаж и Русский музей, детали его биографии и произведения малоизучены и окутаны мифами.

Строли — представитель типа «странствующего» художника-миниатюриста, характерного для эпохи войн и революций конца XVIII — начала XIX столетия. Как и многие его коллеги по цеху, он не привязывался к одной стране, перемещаясь между дворами монархов в поисках наиболее выгодных заказов и признания. Его жизненный путь пролегал через Германию, Италию, Австрию, Россию и Англию. В России мастер пробыл пять лет — с марта 1797 по март 1802 г., что совпало с периодом правления Павла I и началом царствования Александра I.

Приезд Строли в Санкт-Петербург, а затем в Москву на коронационные торжества стал значимым событием для русской художественной среды. Он органично вписался в круг иностранных придворных мастеров, работавших в Северной столице, и сейчас его справедливо относят к знаковым

представителям россики. Благодаря архивным документам удалось уточнить хронологию его пребывания в России: установлено, что художник уехал обратно в Европу именно в марте 1802 г., а не в 1801 г., как считалось ранее; сначала он направился в Берлин, затем — в Лондон.

В России Строли нашел благодарную аудиторию в лице высшей аристократии и членов императорской семьи. Среди его заказчиков были князь Платон Зубов, граф Николай Румянцев, граф Валентин Мусин-Пушкин, княгиня Елизавета Шаховская, княгиня Анна Гагарина (Лопухина), Прасковья Ковалева-Жемчугова (графиня Шереметева), а также члены семей Нарышкиных и Долгоруких.

Художественная манера Строли в «русский период» характеризуется изяществом, утонченностью и холодным серебристым колоритом. Он часто рисовал аристократок в виде античных весталок, закутанных в драпированные одежды, что отражало моду на классицизм и увлечение античностью в то время. Женские портреты отличались эффектной театральностью, тогда как мужские образы — блестящей психологической трактовкой. Художник не всегда стремился к индивидуализации: его персонажи, особенно молодые девушки, часто напоминали прекрасные фарфоровые статуэтки.

Особое место в творчестве Строли этого периода занимают аллегорические произведения, в частности «Торжество России» 1797 г. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) и «Аллегория Надежды», написанная около 1800 г. (частное собрание), в которых мастер, используя характерные для западноевропейской культуры символы и атрибуты, адаптируется к идеологическим запросам русского двора.

Биографические данные о Строли, реконструированные в ходе нашего исследования, опровергают ряд устойчивых мифов. Так, выяснилось, что художник родился в Дюссельдорфе в семье красильщика и никогда не обучался за счет царя. Его

успех в России был обусловлен не только талантом, но и умением найти подход к заказчику, высокой работоспособностью и желанием вести, подобно аристократам, роскошный образ жизни.

Изучение творчества Питера Эдварда Строли позволяет расширить понимание того, как протекал культурный обмен между Россией и Европой в эпоху Екатерины II и Павла I. Мастер не создал своей школы в России, не оставил учеников, но его работы всегда узнаваемы и индивидуальны, они представляют особый взгляд на мир русской аристократии рубежа столетий.

В докладе будут рассмотрены следующие моменты:

- место Строли в системе «странствующих» художников и его вклад в образ российской аристократии в европейском восприятии;
- реконструкция биографии П.Э. Строли (уточнение времени его пребывания в России на основе архивных источников);
- анализ художественной манеры художника, характеристика круга заказчиков Строли в России, его взаимоотношения с Павлом I;
- произведения Строли на современном арт-рынке.

Творчество Питера Эдварда Строли «русского периода», отражающее сложный процесс адаптации иностранных мастеров к предпочтениям и потребностям российского двора, представляет несомненный интерес для исследователей как одно из ярких проявлений россики.

А.С. РЯЖЕВ
Институт российской истории РАН, Москва

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ: ГЕРМАНСКИЕ ПИЕТИСТЫ В РОССИИ ПОСЛЕ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ГЕРНГУТЕРОВ (СЕРЕДИНА 1740-Х — НАЧАЛО 1760-Х ГОДОВ)

Предлагаемый доклад посвящен положению пиетистов в России и их взаимоотношениям как с российскими властями, так и с крупнейшими частями протестантского исповедания в России — лютеранской и реформатской. В данной связи нами изучена вероисповедная обстановка в северо-западном регионе, вошедшем в состав Российского государства после Северной войны и закрепленном в нем по итогам Абосского мирного договора, а также в обеих столицах, Москве и Санкт-Петербурге, где существовали крупнейшие сообщества пиетистов на территории Российской империи.

На протяжении последнего десятилетия XVII — первой четверти XVIII в. пиетисты были одной из наиболее крупных европейских сил, заинтересованных в контактах с Россией. Перспективой для последних они полагали возможный союз некатолических церквей. Важная роль в этом союзе, согласно их проектам, отводилась «греческому исповеданию» — православию, и прежде всего Русской церкви. Соответственно, пиетисты целенаправленно культивировали культурную и экономическую активность в России. Они прочно закрепились в окружении Петра I и его преемников, сыграли значительную роль в становлении Петербургской академии наук и формировании привлекательного образа России в германских землях благодаря вероисповедным свободам, предоставленным российскими властями европейским христианам. К началу 1740-х гг.

именно пиетисты составили значительную по численности и влиянию группу среди выходцев из Германии — лиц свободных профессий, а также лиц, считавших более предпочтительной военную службу в России, нежели в Европе. Важную роль они сыграли и как посредники между российской монархией и остзейским рыцарством (дворянством), поскольку обладая заметным идейным и религиозным влиянием на социальную верхушку (дворянскую и городскую) в Лифляндии и Эстляндии.

В отечественной и зарубежной историографии роль пиетистов в жизни немцев в России на протяжении XVIII в. недостаточно изучена. Вместе с тем определенный материал накопился в трудах историков, уделявших внимание истории российского протестантизма в раннее Новое время. Также имеют значение и работы историков (А.Н. Андреева, А.Э. Алакшина, М.М. Духанова, Я.Я. Зутиса, Э.П. Федосовой и других), посвященные остзейскому вопросу в Российско империи. Германский пиетизм рос и развивался в обстановке постоянного противостояния с ортодоксальным лютеранством — «аугсбургским исповеданием». Соответствующее противоречие было перенесено и на российскую почву: пиетистская «партия» составила серьезную конкуренцию лютеранам при царском дворе и в близких к нему академических и торговых кругах, в высшем и среднем командном составе российских армии и флота. Естественным в этом плане оказался идейный союз между пиетистами и гернгутерами — «моравским братством» («моравской церковью»), чье учение проникло в остзейские провинции России в 1720-е гг. и завоевало прочные позиции в умах местной знати. Конфликт между гернгутерами и лютеранами в Прибалтике завершился вмешательством верховной власти: в 1743 г. было проведено следствие против гернгутеров, а их учение в России подверглось запрету.

Исход противостояния в Прибалтике стимулировал натиск лютеран и на пиетистов: их позиции при дворе и в Академии

наук пошатнулись. Для пиетистов ситуация в первые годы правления императрицы Елизаветы Петровны усугублялась отстранением от двора ряда деятелей предыдущих царствований (Э.И. Бирона и других): они не являлись пиетистами, но симпатизировали им и оказывали содействие. В дальнейшем обстановку удалось выправить: новой точкой притяжения пиетистов стал малый двор, а свои дальнейшие перспективы они связывали с наследником престола — будущим императором Петром III и продолжением династии. Кроме того, пиетисты сохраняли влияние на остзейское дворянство, пользовались поддержкой в Курляндии. В итоге они оставались действенной организованной частью германских и иных (швейцарских, голландских) протестантов в России вплоть до упадка пиетизма в германских землях к концу XVIII в.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0005 «Народы России: межэтнические проблемы и этносоциальное развитие», НИОКТР 125022002762-3).

Е.Б. СМИЛЯНСКАЯ
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Институт всеобщей истории РАН,
Москва

ИЗМЕНЧИВАЯ ФОРТУНА ИНОСТРАННЫХ ФЛОТОВОДЦЕВ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ II

В 1760-е гг., планируя вторжение в Средиземноморский регион, императрица Екатерина II активно искала иностранцев, имевших опыт мореплавания в южных широтах (по подсчетам Э. Кросса, только в 1764–1772 гг. на русскую службу поступили около 50 британцев, а помимо них были датчане, греки и даже мальтийцы[1]).

У одних российских адмиралов-иностранцев путь к высшим флотским чинам (контр-адмиральскому, вице-адмиральскому и адмиральскому) был долгим и полным испытаний. Из британцев этот путь от мичмана прошли: сын британского контр-адмирала Томас Макензи — за 28 лет, Самуил Гиббс — за 29 лет, Роберт Уильсон — за 27 лет; от лейтенанта — за 14 лет Роберт Дугдал и за 23 года — Джордж Тейт (Тет); капитанами были приняты на российскую службу Самуил Грейг, ставший контр-адмиралом через 6 лет, Уильям Роксбург, получивший чин контр-адмирала через 12 лет, и Джеймс Престон, дважды поступавший на службу и прослуживший до контр-адмиральства более 10 лет.

Но были и те, кто получал адмиральские ранги сразу по прибытии в качестве знака особой заинтересованности Российской империи в их службе. Однако не менее примечательно и то, что служба таких флотоводцев в России продолжалась обычно недолго, и, мгновенно вознесенные на вершины военной иерархии, они эту службу покидали. Всего месяц про-

служил в России контр-адмиралом Чарльз Дуглас, полтора года — Джоунс Пол Джонс, по два года — шотландец Джон Элфинстон и датчанин Иоганн Арф, командовавшие второй и третьей эскадрами Архипелагской экспедиции, и всего три с половиной года — самый высокопоставленный британский флотоводец, пожилой адмирал Чарльз Ноульс.

Что влекло этих иностранных моряков в Россию? Обычно — жажда славы и высокое жалование, но также и желание показать превосходный опыт мореплавания просвещенной правительнице, которая чаще всего жаловала своим адмиралам-иностранцам щедрые подарки при вступлении на службу и при увольнении с нее. Однако, помимо милостивой императрицы, иностранные адмиралы (люди, привыкшие к самостоятельности на морских просторах) на российской службе обычно сталкивались и с необходимостью скорейшим образом искать себе могущественного покровителя: любые промедления и оплошности в этой никак не обозначенной вербально части их службы грозили скорым крахом любых честолюбивых устремлений.

Безусловно, в биографии каждого из иностранцев, поступивших на российскую службу и вскоре покинувших ее, были свои особенности и уникальные стечения обстоятельств. Но зачастую общими для прерванных успешных карьер были не служебные просчеты, а незнание российских правил патрон-клиентских отношений. Те, кто медленно продвигался по служебной лестнице, имел больше времени, чтобы освоить эти правила. А тем, кто был вознесен на вершины флотской иерархии в одночасье, обычно не хватало опыта и интуиции, чтобы понять, к чьему покровительству следовало прибегать, а с кем сохранять лишь служебные формальные отношения: в закулисной борьбе проигрыш, ослабление позиций патрона неизбежно сказывались на его протеже.

Помимо узнавания придворного закулисья иностранцу предстояло осваивать и во многом отличный язык этикета –

как придворного, так и существовавшего в отношениях с вельможными покровителями. В России от высших офицеров (контр-адмиралы относились к IV классу Табели о рангах), как и от иных просителей куда более низкого ранга, ждали обязательного ежедневного присутствия на *levée* — утренних выходах патрона, изъявления радости от приглашений на трапезы, терпения в очереди за милостями и невозможности действий в обход своего патрона или через другого покровителя.

Неформальные правила патрон-клиентских отношений существовали и в Западной Европе, влияя на механизмы социальных лифтов от низов до вершин служебной иерархии, однако символические знаки коммуникации с покровителями и подчиненными могли различаться, тогда как цена за их неисполнение была высока.

Что еще, помимо недостаточного знания обычных норм патрон-клиентских отношений, могло омрачить и даже прекратить службу достойного иностранца в российском флоте? Зависть, конкуренция, ревность, служебные провинности? Ответ далеко не всегда лежит на поверхности, он требует расширения поиска исторических источников, дающих ключ к психологическому портрету, анализу опыта и окружения человека прошлого.

Такую редкую возможность рассмотреть условия российской службы контр-адмирала – иностранца в екатерининской России дает журнал Джона Элфинстона, который хранится в библиотеке Принстонского университета. Он был издан нами совместно с Юлией Лейкин сначала в русском переводе, а в 2024 г. — на языке оригинала[2]. Вместе с собранными в российских и британских архивах материалами журнал Элфинстона позволил не только прояснить многие ранее остававшиеся неизвестными события Первой Архипелагской экспедиции российского флота, но и оценить успехи и неудачи шотландца Элфинстона на службе Екатерине II, понять, какие

знаки высочайшего внимания или недовольства сопровождали его службу, как он попал в паутину интриг между вельможами (графами Орловыми, Чернышевыми и Н.И. Паниным) и не смог из нее выпутаться, а также почему опыт Элфинстона стал предостережением для его соотечественников от принятия заманчивых приглашений из Санкт-Петербурга.

[1] См.: *Cross A.G.* By the banks of the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997; *Лурье В.М.* Морской биографический словарь. XVIII век. СПб., 2005.

[2] Russian Faith, Honour, & Courage Displayed in a Faithfull Narrative of the Russian Expedition by Sea (1769 & 1770) by Rear Admiral John Elphinstone / ed. by Julia Leikin and Elena Smilianskaia. London, 2024; «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона: повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота / исследование, перевод с английского и комментарии Елены Смилянской и Юлии Лейкин. М., 2020.

Л.В. СОЛОВЬЕВА
Музеи Московского Кремля

ИТАЛЬЯНСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ: ДЖАКОМО КВАРЕНГИ, ФРАНЧЕСКО КАМПОРЕЗИ И ПЬЕТРО ГОНЗАГА

В XVIII в. приглашенные в Россию европейские архитекторы в основном работали в Санкт-Петербурге и лишь временами наведывались в Москву, чаще всего для оформления коронационных празднеств или в связи с какими-либо строительными заказами. В это время статус официальной столицы империи перешел к Санкт-Петербургу, а Москва и Кремль воспринимались как древний государственный центр, о котором вспоминали во время коронаций.

В эпоху Просвещения в Европе стало складываться историческое отношение к памятникам архитектуры национального прошлого. Не только античное наследие привлекало внимание ученых, интеллектуалов и художников, но и варварская готическая архитектура постепенно перестала восприниматься как уродливое отклонение от классики. Интерес к средневековой истории и культуре повлиял на распространение в изобразительном искусстве жанра городского пейзажа, как реального, так и фантазийного.

В докладе речь пойдет о творчестве трех итальянских архитекторов: Джакомо Кваренги, Франческо Кампорези и Пьетро Гонзага. Они запечатлели в своих графических работах памятники Московского Кремля на рубеже XVIII–XIX вв. Будучи выходцами из северных регионов Италии, они почти одновре-

менно прибыли в Россию для выполнения заказов императорского двора. Их постройки в Кремле не сохранились, так как носили временный характер. Однако остались выполненные ими рисунки и гравюры, среди которых не только зарисовки и эскизы строительных проектов, но и самостоятельные произведения, так называемые городские ведуты и панорамы.

Одним из ведущих и наиболее успешных архитекторов итальянского происхождения на службе при русском дворе в XVIII в. был Джакомо Кваренги, возводивший дворцовые здания как в Санкт-Петербурге, так и в Москве. Уроженец города Бергамо, Кваренги приехал в Россию в 1780 г. уже известным мастером. В Северной столице он получил должность архитектора двора ее величества, где преимущественно и работал. Москву мастер посещал нечасто. Один из его приездов в древнюю столицу был связан с проектированием праздничной декорации коронационных торжеств по случаю восшествия на престол императора Павла I в 1797 г. К этому времени относятся десять городских видов, которые Кваренги выполнил акварелью для альбома «Опыт о русских древностях в Москве». К альбому прилагалось сопроводительное описание истории города, составленное архитектором Николаем Львовым. В тексте высказывалось сожаление о небрежном отношении к памятникам старины. Поводом к таким высказываниям послужил снос древних сооружений Кремля в ходе строительства Большого Кремлевского дворца по проекту Василия Баженова.

В своих акварелях Кваренги изобразил Московский Кремль как древнюю русскую святыню. Его работам присущи виртуозность исполнения и законченность. В «Панораме Московского Кремля» вид традиционно дан со стороны Замоскворечья, реальные памятники сочетаются с фантазийными изображениями. Архитектор построил композицию по принципу театральной сцены с кулисами, первым планом и задником.

В правом углу на переднем плане он изобразил Царь-пушку и Царь-колокол. Чтобы показать огромные размеры уникальных произведений древнего литейного искусства, Кваренги добавил фигурки людей, которые кажутся лилипутами рядом с этими гигантами. Примечательно, что в то время Царь-колокол помещался еще в литейной яме и вместе эти два гиганта никогда не находились. Кроме реально сохранившихся башен, стен и дворцов Кремля, зодчий сознательно воспроизвел в этой акварели уже утраченные во время строительства Большого Кремлевского дворца памятники. Он фиксировал настоящее и воссоздавал утраченное прошлое, виртуозно сочетая фантазийные и реальные изображения в одной композиции. Таким образом, перед зрителем предстает поэтическое восприятие древней столицы с элементами театральности, каприччио и реконструкцией утраченного былого величия.

За десять лет до «Московской сюиты» Кваренги серию гравюр с видами Первопрестольной выпустил его соотечественник Франческо Кампорези, для которого Москва стала основным местом для реализации его замыслов. Архитектор и картограф, уроженец Болоньи, он приехал в Санкт-Петербург через два года после Кваренги, в 1782 г. Через год его направили в Москву, где он принял участие в строительстве огромного Екатерининского дворца в Лефортове. Около сорока лет Кампорези работал в Экспедиции кремлевского строения в Москве, а также преподавал в архитектурной школе. Великолепный гравер, декоратор, картограф и архитектор, Кампорези оказался в тени своих гениальных соотечественников Кваренги и Гонзага.

В середине 1780-х гг. Кампорези вынашивал идею создания целой видовой городской панорамы. Не найдя меценатов, он на свои деньги напечатал серию видов Москвы. В год двадцатипятилетнего юбилея правления Екатерины II мастер преподнес императрице альбом с видами древней столицы. Четыре

листа из альбома посвящены Кремлю. Кампорези традиционно изобразил средневековую крепость со стороны Москвы-реки, применив композицию видовой панорамы. Он отказался от каких-либо кулис, от фантазийного декоративного обрамления. В его работах нет виртуозности и легкости линий, присущих Кваренги. Он лишь внимательный фиксатор, который с дотошной тщательностью воспроизвел древние постройки исторического центра города.

В отличие от своих соотечественников, итальянский архитектор и декоратор Пьетро Гонзага в своем творчестве мало уделял внимание Москве и Московскому Кремлю. До приезда в Россию он был известен в Италии как великолепный театральный художник. В 1792 г. Пьетро Гонзага прибыл в Санкт-Петербург и получил должность декоратора императорских театров. Необходимой частью работы знаменитого сценографа был рисунок, его графическое наследие — это быстрые наброски, зарисовки идей и проектов. Виртуозным рисункам мастера свойственна легкость, фрагментарность и незавершенность.

На первый взгляд, Московский Кремль с его старинными сооружениями должен был заинтересовать итальянского сценографа, но среди его наследия нельзя найти панорамных видов города, как у его соплеменников. Гонзага изображал в своих набросках памятники древней столицы, когда перед ним была поставлена конкретная задача — украсить их фасады по случаю коронационных торжеств. Сохранились его проекты к коронациям 1797 и 1801 гг. На этих рисунках стены и башни Кремля даны тонкими, еле видными карандашными линиями, а богатый фантазийный классический декор изображен пером, акварелью и тушью. Мастер украшает древние крепостные ворота многочисленными аллегорическими фигурами, картушами, флагами, волютами и крылатыми гениями славы, превращая средневековые башни в триумфальные

римские арки. Гонзага полностью маскирует средневековую архитектуру, которая не соответствует требованиям пышной коронационной церемонии Нового времени. Древние постройки Кремля для него становятся лишь фоном, на котором бурно расцветает его фантазия. Он преображает средневековую крепость, примеряя на нее античные архитектурные формы.

Приглашенные в конце XVIII в. в Россию итальянские зодчие продемонстрировали совершенно разное восприятие древних кремлевских сооружений: от почтительного уважения до стремления кардинально преобразить их в соответствии с классическим вкусом.

В.А. СТАСЕВИЧ
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

ГОТЛИБ ЗИГФРИД БАЙЕР И ДРУГИЕ ИНОЗЕМЦЫ В РОССИИ: ПО ДАННЫМ ОПИСИ БИБЛИОТЕКИ УЧЕНОГО

Библиотека академика Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера в отечественной историографии до сих пор не изучалась специально. Ряд авторов утверждали, что она была полностью утрачена для Академии наук или что ее опись не удается обнаружить. На самом деле часть книг сохранилась до сегодняшнего дня в академических учреждениях Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится и опись библиотеки ученого, написанная его рукой[1]. Еще больше принадлежавших ему книг выявлено в Библиотеке Университета Глазго (Шотландия), куда они, сменив несколько владельцев, поступили в 1807 г.

Опись библиотеки Байера может служить непосредственным источником информации о личных и научных связях владельца. Дело в том, что, описывая книги, а иногда и предметы без текста, тоже попавшие в опись, он нередко называл имена их прежних владельцев, а если они получены в дар, то называл дарителей. Среди упомянутых — и известные европейские ученые прошлого, и знакомые, и корреспонденты Байера в разных странах, включая миссионеров в Китае и Индии, а также те, кто, подобно Байеру, приехал из других стран в Россию и там повстречался с ним. Именно о последних будет идти речь в нашем докладе. При этом мы ограничимся только теми персонами, которые названы в описи. На деле же таких людей известно гораздо больше по иным источникам, в частности по книгам и рукописям, упомянутым в этой описи, выявленным и описанным в Глазго.

Прежде всего скажем о других ученых немцах: академике Х.Ф. Гроссе и трудившемся вне Академии наук Г.Я. Кере. Первый из них предоставил Байеру свои рукописи о неких «татарских» монетах, в том числе из коллекции Я.В. Брюса. От Кера Байер получил рукописи на арабском языке — копии сочинений других авторов. Можно предположить, что две рукописи, автором содержания которых указан Д.Г. Мессершмидт, были получены Байером от него, но прямых указаний на это нет. Про одну же сказано, что она «переписана с автографа». Лицо схожего круга — архиатр И.Х. Ригер, подаривший ученому «китайский пурпур».

И Гросс, и Кер, и Ригер были связаны с вице-канцлером А.И. Остерманом, коллекцию китайских монет которого Байер описал. Как мы знаем, этим не ограничивалась поддержка, оказанная Остерманом Байеру в его китаеведческих штудиях. От еще одного вельможи, серба Саввы Владиславича-Рагузинского, бывшего посла в Китае, Байер получил в подарок фарфоровую чашу с иероглифами. От артиллериста, инженера и геолога генерала Г.В. Геннина ему достался «медный рог идола из Сибири».

С Байером был знаком и позднее переписывался еще один российский представитель в Китае — швед Лоренц Ланг. Кроме их переписки, вошедшей в состав библиотеки, опись упоминает «китайские анналы» и «китайский фут», подаренные Лангом, а также одну ссылку на его наблюдения в Китае.

Известно о знакомстве Байера с семьей бывшего молдавского господаря Д. Кантемира, умершего до приезда ученого в Россию. Из описи можно узнать о еще одном подарке — карте Азии, полученной им от сына Дмитрия — Антиоха.

Надеемся, что наш краткий доклад привлечет внимание коллег к библиотеке Байера.

[1] См.: СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 47.

Е.А. ТИТОВА
Музеи Московского Кремля

ЯКОВ БРЮС И ЕВРОПЕЙСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ТРАКТАТЫ В РОССИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Распространение классического архитектурного вкуса на рубеже XVII–XVIII вв. в России было связано с пополнением государственных и частных библиотек итальянскими, немецкими, голландскими и французскими «книгами и кунштами». Архитектурные трактаты числились в библиотеках Посольского и Аптекарского приказов, Мастеровой палаты, а также в ряде частных книжных собраний: А.С. Матвеева и позже В.В. Голицына, Р. Арескина, А.А. Виниуса, П.П. Шафирова, А.А. Матвеева, А.Д. Меншикова.

Сочинения, посвященные архитектурной тематике (гражданскому строительству, инженерии, фортификации), были наиболее полно представлены библиотеке Я.В. Брюса. Исследователи истории книги и культуры XVIII в. не раз обращались к этому книжному собранию (П.П. Пекарский, С.П. Луппов, П.И. Хотеев)[1]. Наиболее полный каталог и описание библиотеки Я.В. Брюса составила Е.А. Савельева (1989)[2]. Дальнейшим выявлением книг из данного собрания занимались С.О. Никиташина и В.А. Стасевич[3]. Обращение к изданиям из библиотеки Я.В. Брюса позволило исследователям в новом ракурсе увидеть те сферы научного знания, которыми интересовался генерал-фельдцейхмейстер: развитие артиллерии и геральдики[4], а также архитектуры и фортификации[5].

Задача данного доклада — сопоставить издания архитектурных сочинений в библиотеке Брюса с аналогичными в современных ему книжных собраниях; проследить вероятные пути их поступления в библиотеку; проанализировать, чем обусловлен выбор конкретных переводов и изданий.

Книги, посвященные архитектуре и инженерии, входили в состав библиотеки августейшего покровителя Я.В. Брюса. В первом печатном каталоге Академии наук “Bibliothecae Imperialis Petropolitanae” (1742) книги по архитектуре, принадлежавшие Петру I, сгруппированы в разделах "Architectura civilis" и “Architectura militaris”. В библиотеках императора и Брюса находились экземпляры трактатов Ф. Блонделя, Э. Брауна, И. Бухнера, Э. де Бар-ле-Дюка. Я.В. Брюс выступал в роли агента, приобретавшего книги не только для Петра I, но и для А.Д. Меншикова, и для царевича Алексея Петровича; также он вел переписку о приобретении новых изданий с В.Н. Татищевым.

В библиотеке Я.В. Брюса были представлены издания, посвященные теории ордерной архитектуры, Джакомо Бароцци да Виньолы (“Regel Der fünff Orden, Von der Architectur gestellt durch M. Jacob Barozzio von Vignola”, 1699) и Андреа Палладио (“Traicté des cinq ordres d’architecture…”, 1679). В рамках проблематики поступления архитектурных трактатов в русские книжные собрания представляет интерес трактат Себастьяно Серлио “Extraordinario libro di architettura…” (1558). На форзаце этой книги из библиотеки Брюса стоит автограф: “Philipp Vingboons”. Братья Филипп и Юстус Вингбонсы — яркие представители архитектуры классицизма в Голландии второй половины XVII в., наравне с Якобом ванн Кампеном и Питером Постом. Издание Серлио из библиотеки Брюса привлекает внимание исследователей не только своей связью с голландским архитектурным контекстом, но и выбором сочинения: это не фундаментальный архитектурный трактат, каким был знаменитый

труд Серлио «Семь книг об архитектуре», а книга образцов. Этот каталог архитектурных решений порталов был более чем уместен в библиотеке эрудированного заказчика. Брюс, занимавшийся организацией императорских имений и строительством собственных домов в Санкт-Петербурге, Москве и Подмосковье, имел практический интерес к этому изданию.

Частные книжные собрания сподвижников Петра I различались по своему характеру — прикладному или, наоборот, коллекционному. О брюсовской библиотеке можно с уверенностью сказать, что она собиралась с учетом личных прикладных интересов генерал-фельдцейхмейстера. В переводах и под редакцией Брюса публиковались книги по фортификации, так как в подчиненный ему Приказ артиллерии входило военно-инженерное управление. Кроме того, его брат Р.В. Брюс состоял обер-комендантом Петербургской крепости и отвечал за контроль над осуществлением плана реконструкции крепости «Санктъ-Питеръ-Бурхъ», а также за создание Кронверка. В 1711 г. вышел подготовленный Я.В. Брюсом перевод трактата И.З. Бюхнера «Учение и практика артиллерии...», изданного в Нюрнберге в 1682 г., который использовался в качестве пособия в военно-учебных заведениях. Один из разделов этого трактата («О наряжании рундуков, пирамидов, крепостей, образов и иных фигур») посвящен устройству крепости как фигуры для фейерверков. Брюс занимался переводом и редактурой книги «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна, курировал перевод «Нового крепостного строения на мокром или низком горизонте» М. ван Кухорна. Европейские издания этих трактатов входили в его библиотеку.

Читательские пометы Я.В. Брюса присутствуют в экземпляре трактата главного архитектора Страсбурга Даниэля Шпекле "Architectura von Vestungen" (1589). В библиотеку генерала входили сочинения австрийского военного инженера Эрнста

Фридриха фон Боргсдорфа, состоявшего на русской службе, а также книги немецкого архитектора и механика Георга Андреаса Бёклера; в одной из них, "Schola militaris moderna" (1706), содержатся подробные читательские пометы.

Библиотека Я.В. Брюса представляет собой исключительное по целостности и богатству книжное собрание конца XVII — первой четверти XVIII в. Представляется важным ввести список принадлежавших ему изданий по архитектурной тематике в общий контекст освоения европейской архитектурной теории в России петровского времени.

[1] См.: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862; *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; *Хотеев П.И.* Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. Л., 1989.

[2] См.: *Савельева Е.А.* Библиотека Я.В. Брюса : каталог. Л., 1989.

[3] См.: *Никиташина С.О., Стасевич В.А.* Книги Якова Брюса в библиотеке Горного университета — к характеристике владельческих помет // Наука и библиотека : сборник научных трудов. СПб., 2022. Вып. 4. С. 75–83.

[4] См.: *Стасевич В.А.* Яков Брюс в размышлениях о собственном гербе // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 104 : Геральдика: исследования и практика: материалы научной конференции 20–22 февраля 2020 года / под общей науч. ред. В.Г. Вилинбахова. СПб., 2021. С. 65–74.

[5] См.: *Ревзина Ю.Е.* Архитектура, война и география: фортификация XVI–XVII веков в Европе и России. М., 2016; *Чекмарев В.М.* Архитектурные издания в библиотечном собрании Якова Вилимовича Брюса. Опыт реконструкции // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2023. Вып. 21, № 2. С. 17–29.

И.В. ФАИЗОВА
Музеи Московского Кремля

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПОДГОТОВКЕ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПЕРВОГО ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Иностранные специалисты с давних времен работали при дворе великих московских князей, царей и императоров. Особенно заметным их участие в разных сферах жизни страны становится в XVIII в., в эпоху активной европеизации России. Их, как правило, приглашали для подготовки коронаций и праздничных мероприятий, о чем, в частности, свидетельствуют материалы первого года правления императрицы Екатерины II.

Во время коронационных торжеств 1762 г. состоялась первая публичная презентация официального образа новой правительницы и концепции государственного переворота. На фоне негативных характеристик императора Петра III и его эпохи Екатерину II объявили Божьей избранницей, спасительницей России и православия, Матерью Отечества, «внукой» Петра I, титуловали Великой и Всемилостивейшей.

Главную идею первых манифестов новой власти о героической миссии Екатерины II как спасительницы Отечества воплощал ее коронационный костюм, воспроизводивший образ самой России. Платье и мантию украшали аппликации из 380 гербов, выполненных золотошвейным европейским мастером Фридрихом Фербером, имя которого упоминается в документах еще в 1741 г. Корона с лавровыми ветвями и гирляндой из дубовых листьев и желудей символизировала власть и славу триумфатора, крепость и прочность самодержавной власти. Ее главными создателями были два знаменитых ювелира-

иностранца: швейцарец Георг Фридрих Экарт, руководивший работой, разработавший эскиз и каркас, и француз Иеремия Позье, занимавшийся подбором камней с помощью шести ювелиров из Австрии и закрепщика француза Ороте. К началу правления Екатерины II оба иностранца были самыми влиятельными представителями своей профессии при императорском дворе. Г.Ф. Экарт изготовил и государственную державу.

Триумфальный образ императрицы в сочетании с мрачными картинами правления Петра III присутствовал в праздничных фейерверках и иллюминациях, на коронационных медалях, в оформлении триумфальных ворот. Их создание осуществлялось под руководством и при непосредственном участии надворного советника, немца по происхождению, Я. фон Штелина, приехавшего в Россию в 1735 г. по приглашению в Петербургскую Академию наук. Выпускник Лейпцигского университета, он был многогранным специалистом: гравером, картографом, медальером, организатором и создателем фейерверков и иллюминаций, искусствоведом, мемуаристом. Императрица Елизавета Петровна определила его учителем наследника престола великого князя Петра Федоровича, а в дальнейшем его библиотекарем. В 1757 г. Штелину было поручено руководство «медальным делом». В царствования Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III он был автором всех фейерверков и иллюминаций с постановкой аллегорических композиций, а также их описаний и гравюр к ним. Во время торжеств 1762–1763 гг. самыми грандиозными проектами Якоба фон Штелина стали фейерверки по случаю коронации Екатерины II 29 сентября 1762 г. в Москве на Царицином лугу, новогодний фейерверк «Возвращение золотого века» вечером 1 января 1763 г. перед императорским дворцом, а также фейерверк в Петербурге в честь первой годовщины восшествия на престол Екатерины II 28 июня 1763 г. перед Летним дворцом на Неве. Строения для петербургского

праздника создавал немецкий зодчий Георг Фридрих Фельтен, выдающийся архитектор раннего русского классицизма.

Над созданием фейерверков в команде Штелина работал непревзойденный специалист в этой области – участник Семилетней войны, подполковник артиллерии Петр Мелиссино. Его «огненными представлениями» много лет любовался Петербург. Он принадлежал к древнему знатнейшему дворянскому роду греческого происхождения, связанному с византийскими императорами. Его отец, Иван Афанасьевич, еще в правление Петра I выехал в Россию в качестве медика императора. При Анне Иоанновне он стал вице-президентом Коммерц-коллегии, а его сыновья, Иван и Петр, после окончания Сухопутного шляхетского кадетского корпуса много лет преданно служили России.

Две медали к коронации 1762 г. были созданы немецким медальером Иоганном Георгом Вехтером. Он приехал в Россию в юности, предположительно в 1741 г., десятки лет работал на Санкт-Петербургском монетном дворе, где создал около 50 медальных штемпелей в царствования императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Его творчество во многом определило лицо российского медальерного искусства второй половины XVIII в. С 1771 г. в Северной столице работал и его младший брат, медальер Георг Христиан Вехтер.

Под руководством Я. фон Штелина и М. Хераскова строились и оформлялись Тверские триумфальные ворота в Земляном городе в Москве. Среди работавших там художников документы упоминают француза Иосифа Мориса, написавшего образцы картин.

Иностранцы участвовали не только в подготовке праздничных церемоний 1762–1763 гг., но и в сохранении памяти о них для потомков.

Торжества по случаю пребывания в Москве Екатерины II завершил масленичный маскарад «Торжествующая Минерва».

Он хорошо известен исследователям, но до недавнего времени источники, позволяющие в полной мере понять замысел авторов и реконструировать представление, были крайне скудны. В 2012 г. А.А. Костин ввел в научный оборот рукопись француза де Буляра, который жил в Москве в 1762–1763 гг. и имел в своем распоряжении и афишу, и программу маскарада, а также своими глазами наблюдал само представление. По просьбе Екатерины II и под руководством И.И. Бецкого он обстоятельно описал увиденное. Этот ценнейший документ, хранящийся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, позволяет детально воспроизвести сцены маскарада.

Художественное отображение коронационных торжеств было доверено французскому художнику Жану Луи де Вельи. После завершения церемонии и до начала демонтажа оборудования он работал в кремлевском Успенском соборе и создал серию рисунков, посвященных коронации. В 1762–1763 гг. датский портретист В. Эриксен и итальянский художник С. Торелли создали ряд живописных портретов Екатерины II, сохранивших образ императрицы в первый год ее правления.

Как видим, иностранные специалисты участвовали в разработке программ праздничных мероприятий 1762–1763 гг., в воплощении официального образа Екатерины II и концепции переворота в коронационном костюме императрицы и коронационных медалях, в создании концепции и техническом обеспечении фейерверков и иллюминаций, в подготовке столицы к торжествам и в фиксации церемониальных мероприятий для потомков.

М.А. ЮСИМ
Институт всеобщей истории РАН, Москва

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ — НЕПРИЗНАННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТ, МИССИОНЕР И АВТОР ТРАКТАТА О ПОЛИТИКЕ

Юрий (Юрай) Гаспарович Крижанич (1617/1618–1683) является довольно спорной фигурой в российской истории и историографии. Выходец из обедневшей дворянской семьи в Хорватии, он прошел обучение в иезуитской семинарии и коллегии, стал католическим священником и поступил в Греческую коллегию Святого Афанасия в Риме, созданную для подготовки миссионеров в православных странах.

С ранней молодости Крижанич был поглощен идеей объединения славянских народов под эгидой могучей православной монархии — России и мечтал побывать в ней, чтобы работать над осуществлением этого плана. Будучи человеком разносторонне образованным, полиглотом и эрудитом, он рассчитывал приступить к просвещению россиян и со временем стать советником русского царя. В 1647 г. Крижанич добрался до России с польским посольством и провел два месяца в Москве, где приобрел «Кириллову книгу» – сборник различных обвинений против католиков. Вернувшись в Рим, по поручению Конгрегации пропаганды веры он занялся переводом и опровержением этих текстов наряду с публикацией трактатов по музыке и службой капелланом папской гвардии. Но желание поступить на царскую службу его не покидало, и в 1658 г., не получив определенного согласия курии на миссию, Крижанич сам отправился в путешествие; пробыв некоторое время

на Украине, где в то время шла русско-польская война, вместе с казаками, посланными в Москву воеводой князем Трубецким, он приехал в Россию в сентябре 1659 г. Он предложил свои услуги в качестве переводчика, библиотекаря, историографа и лингвиста, был принят на службу и получил задание заняться составлением славянской грамматики. Однако по невыясненным обстоятельствам иноверец «сербенин» (так его именовали в документах) в январе 1661 г. был выслан в Тобольск, где получил приличное жалование и продолжил заниматься литературной работой, хотя конкретной задачи перед ним не было поставлено, и, как явствует из ламентаций самого Крижанича уже в 1675 г., он жил без дела «как скотина на заклание» и не был признан своим, хотя желал, чтобы его считали русским и позволили бы работать на благо новой родины[1].

В Тобольске Крижанич закончил лингвистический трактат «Объяснение выводно о языке славянском» (1661), написал «Грамматично исказание об русском езику» (1663). Одновременно с этим в 1663–1666 гг. он работал над своим главным трудом – «Разговорами об владательству», то есть «Беседами о правлении», который в исторической литературе получил название «Политика». Продолжением «Политики» стал трактат «О Божьем смотрению». Затем Крижанич написал ряд богословских сочинений, в том числе опровергающих учения раскольников. Его произведения не доходили до царя и его приближенных, и, когда он после восшествия на престол Федора Алексеевича в 1676 г. смог вернуться в Москву, служить он больше не желал и в начале 1678 г. покинул Россию. Некоторое время он пробыл в Вильно, вступив в Доминиканский орден, там же написал «Историю Сибири», а в 1683 г. по пути в Рим погиб, находясь при осаде Вены в польском войске.

Часть сочинений Крижанича, в том числе и «Политика», попала в библиотеку книжника Сильвестра Медведева, с ней — в собрание Синодальной типографии и в конце концов

в Российский государственный архив древних актов. Интерес к этим текстам пробудился только в XIX в., и Юрий Крижанич стал важной фигурой при изучении истории России второй половины XVII в. и ее связей с Западом. Оценки его личности и сочинений всегда были и остаются противоречивыми. Некоторые исследователи делали акцент на славянском патриотизме Крижанича, на отстаивании интересов России; что же касается его конфессиональной принадлежности, то, поскольку он высказывается о православной вере вполне лояльно, его считали своего рода протоэкуменистом или просто не придавали этому вопросу большого значения.

Другие видели в Крижаниче прежде всего католического миссионера, пусть и симпатизировавшего России, но ставившего главной целью подчинение Русской церкви папскому Риму. Те высказывания ученого хорвата, в которых он явно отстаивает интересы Московского государства, истолковывались как маскировка, прикрывающая истинные намерения католического агента.

Ко второй группе ученых можно отнести М.Н. Бережкова, С.А. Белокурова, в советское время — автора разоблачительной статьи в «Вопросах истории» П.П. Епифанова[2]. К первой — П.А. Бессонова, первого издателя «Политики»[3], и большинство советских исследователей, в том числе А.Л. Гольдберга, в соавторстве с В.В. Зелениным опубликовавшего в 1965 г. треть текста рукописи «Разговоров» с переводом на русский язык, который и получил известность как трактат «Политика»[4]. Судьба этого сочинения в целом была не менее сложной, чем биография его автора. Сначала были изданы две трети уникальной рукописи, затем до 1918 г. шла подготовка ее издания Обществом истории и древностей российских в рамках собрания сочинений Крижанича; наряду с упомянутым изданием 1965 г. публиковались отрывки из неизданной части рукописи, и, наконец, в 2025 г. увидел свет полный текст этой (условно) третьей части с переводом, в двух томах[5].

«Политика», написанная на латыни и на разрабатывавшемся автором общеславянском языке, уникальна во многих отношениях. Это ученый трактат, созданный по канонам западной политической литературы и содержащий множество сведений как по всеобщей истории, так и по истории жизни и быта России второй половины XVII в. При этом во второй половине своего сочинения автор разоблачает всевозможные заблуждения народов, в том числе славян, «политические ереси», распространяемые особенно немцами-протестантами и православными греками.

Будучи убежденным сторонником самодержавия и противником привлечения чужеземцев, писатель (сам пострадавший на этой почве) опирается на большой круг источников и собственных наблюдений, дает свои политические советы, охватывающие самые разные сферы знания: историю, экономику, военное дело, философию, земледелие, музыку и так далее. Труд Крижанича стал хрестоматийным, он переиздается и не теряет популярности в науке и среди читающей публики.

[1] «Четыредесять лет уже прежих и еще до воли Божии живу в сей Сибирской узе Богу всемогущему многогрешен и всему миру безделен, некорыстен и непотребен; никто же бо от мене вопрошает никакого рукоделия, ни услуги, ни совета, ни помощи, ни работы; а Божия и царская милость питает мя тако бездельна, аки некую скотину при яслях, а то к чему иному, разве к закланию» (Обличение Соловецкой челобитной, сочинение Юрия Крижанича в переводе Поликарпова / издание проф. И. Добротворского. Казань, 1878. С. 31).

[2] См.: *Епифанов П.П.* Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопросы истории. 1953. № 10. С. 18–36.

[3] См.: Русское государство в половине XVII в. Рукопись открытая и изданная П.А. Бессоновым. М., 1859–1860. Ч. 1–2.

[4] См.: *Крижанич Ю.* Политика / подгот. В.В. Зеленин; пер. и коммент. А.Л. Гольдберга под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1965.

[5] См.: *Крижанич Ю.* Беседы о правлении (Razgowôri ob wladátelystwu — «Политика»). Неизданный текст / транскрипция, пер., вступ. ст., коммент. М.А. Юсима. М., 2025. Т. 1–2.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГЭ	Архив Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
Архив СПбИИ РАН	Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
ИРИ РАН	Институт российской истории Российской академии наук, Москва
Музеи Московского Кремля	Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
РГАДА	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив, Москва
РГИА	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Издания Музеев Московского Кремля
можно приобрести в музейных магазинах,
расположенных в кассовом павильоне в Александровском саду,
а также на территории Московского Кремля,
тел. (495) 695-41-56

Отдел по реализации сувенирной и печатной продукции
Музеев Московского Кремля,
тел. (495) 697-60-96

Электронное издание

Иноземцы на русской службе в XV–XIX веках

Тезисы докладов научной конференции

Дата размещения на сайте www.kreml.ru
28.07.2026

ISBN 978-5-88678-433-6

